

**НАТАЛИЯ
БАСОВСКАЯ**

**ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ
В ЛИЦАХ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 94 (100)

ББК 63.3(4)

Б27

Дизайн серии *Яны Паламарчук*

Дизайн обложки *Ольги Жуковой*

В оформлении издания использована репродукция картины Германа Антона Штильке «Жанна д'Арк на костре» (правая часть триптиха «Жизнь Жанны д'Арк») из фондов «Государственного Эрмитажа» (фотограф В.С. Теребенин)

Басовская, Наталия Ивановна.

Б27 История Европы в лицах. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 608 с. — (Наследие эпох)

ISBN 978-5-17-147711-0

Книга известного медиевиста Наталии Басовской рассказывает о легендарных правителях, путешественниках и мореплавателях Италии, Англии и Франции.

Вы узнаете, кто позволил Никколо Макиавелли написать свой самый неоднозначный труд «Государь»; почему сын сапожника Томмазо Кампанелла был признан «величайшим сыном Италии» наравне с ученым Галилео Галилеем; существовал ли Робин Гуд на самом деле; почему королева Елизавета I держала при дворе пирата; были ли французы потомками героев Троянской войны; действительно ли Жанна д'Арк была влюблена в короля Карла VII. И еще со многими интересными фактами познакомит эта книга.

Ее герои меняли судьбу своих государств на протяжении многих столетий, но именно благодаря их ослепительным взлетам и сокрушительным падениям Италия, Англия и Франция обрели свой современный и неповторимый облик.

УДК 94 (100)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-17-147711-0

© Басовская Н.И., наследники, 2022

© Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, 2022

© Теребенин В.С., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

КОВАРНЫЕ ИТАЛЬЯНЦЫ

Роберт Гвискар

ЖИЗНЬ — ЭТО ВОЙНА

Роберт Гвискар (или Робёр Гюискар, что точнее, потому что он родом из Нормандии, а это Северная Франция) сыграл в европейской жизни, в системе международных отношений огромную роль. Жил он в XI веке — с 1016 по 1085 год, умер за год до Первого крестового похода. Он внес решающий вклад в судьбу Южной Италии, Сицилии, папства и Германии, и отчасти Византии.

Кто он такой? Выходец из мелкого рыцарства, он всю жизнь оставался разбойником, викингом. Кстати, происхождения слова «викинг» никто точно не знает, в отличие от происхождения слова «норманны» («нордманы») — «северные люди». На Руси викингов называли варягами.

Будучи всю жизнь викингом-варягом, Гвискар успел побывать и графом, и герцогом, помышлял и об императорской короне.

Родился он в Нормандии в 1016 году в семье мелкого дворянина с красивым именем — Танкред Отвиль. Отец заметной фигурой не был, а в истории прославился благодаря своим сыновьям, одним из которых был Роберт Гвискар. Мать звали Фрессенда; мы мало что о ней знаем. Детей в семье было много — только сыновей в семье было 12, и несколько дочерей. Роберт был шестым сыном своего отца и первым его сыном от второго брака, то есть не имел никаких шансов получить какое-нибудь наследство. В лучшем случае — меч (и еще, может быть, коня, но не

Роберт Гвискар (стоит) и его брат Рожер Сицилийский. Литография.
Начало XIX в.

точно). Таким образом, он нищ, он никто. Но у него есть колоссальное наследство — это гены его предков — норманнов.

Нормандия сегодня — это северные французские департаменты: Манш, Кальвадос и другие, развитая индустриальная и вместе с тем романтическая область Франции. В XI веке это было место расселения северной группы германцев. В основном сюда пришли даны — те, кто жил на Ютландском полуострове, в будущей Дании.

В начале своей истории они существовали в очень скудных краях. Для обработки годилось не более трех процентов земли. Поэтому основное занятие данов — скотоводство. По весне ослабевшую от голода скотину выносили из стойла на руках: животные не могли даже стоять на ногах.

Ярчайшим признаком того, как тяжело жили норманны, является то, что у них было узаконено детоубийство. Отец отбирал ребенка, которого он оставит в живых, а того, кого он не мог прокормить (особенно если ребенок слабенький), уносил в лес. Отсюда берут начало многие европейские сказки. Но этот сюжет — не такая уж сказка.

В голодные сезоны от стариков тоже надо было избавляться. Лучший способ был такой: старики бросались в бой, для них безнадежный, чтобы там быть убитыми на первых шагах, умереть красиво, уйти к богам древних германцев, как положено воинам.

Эта страшная жизнь, тяжелая и напряженная, толкала людей на разбой. Им надо было искать какой-то выход, и этим выходом было движение на Европейский континент. В 911 году во французском местечке Сент-Клер-сюр-Энт был заключен договор между норманнским герцогом Роллоном и французским королем Франции Карлом Простоватым. Само прозвище монарха говорит о том, насколько далека была тогдашняя Франция от того мощного государства, которым ей предстояло стать. Карл Простоватый принадлежал к угасавшей династии Каролингов — потомков Карла Великого. Реальной власти французский король не имел, поэтому уступил территорию норманнскому вождю Роллону при условии, что тот будет ее оборонять и не пустит

сюда следующих завоевателей. Так родилась Нормандия. Норманны были пластичным этносом, быстро ассимилировались, сохраняя при этом свои обычаи и предания. Довольно скоро они стали северными французами.

Норманны получили прекрасную землю, которой не было в Ютландии. Насколько был счастлив их вождь, когда стало понятно, что можно больше не кочевать, говорит сага. После условного «подписания» договора (письменности у германцев не было — наверное, Роллон поставил крестик или отпечаток пальца) он от восторга бросил в небо какой-то предмет. Это мог быть щит или, что вероятнее, шлем. И шлем этот на землю так и не упал. С нашей сегодняшней точки зрения, он стал спутником планеты.

В XI столетии Нормандия — богатеющий регион, потому что его географическое положение и природные условия очень благоприятны. Именно там и появляется на свет Роберт Отвиль (прозвище Гвискар он получит позже).

О его детстве мы ничего не знаем, но понятно, каким оно могло быть. Не последнее место в воспитании мальчиков занимали военные тренировки. В юности Роберт участвует в бесконечных местных усобицах, ибо Нормандия того времени — это множество мелких феодалов, среди которых начинают появляться более крупные. Герцоги постепенно забирают власть в свои руки, и уже к концу XI века многие из них станут богатыми людьми. А пока они дерутся за территории, даже за скромные участки земли.

Роберт хотел большего. Он знал, что его сводные братья отправились искать счастья в далекую Южную Италию. Там они быстро выдвинулись, стали князьями, герцогами, графами, но он по неизвестной причине присоединился к ним довольно поздно — в 30 лет. Вероятно, у него просто не было средств, чтобы добраться до Италии.

В 1046 году, в 30-летнем возрасте, Роберт Отвиль прибыл с отрядом в Италию и пришел к своему старшему брату Дрого Апулийскому (Апулия — это юго-восточная часть Италии), у которого были уже и слава,

и деньги, и попросил помочь ему устроиться в жизни... Но не получил ничего. Ему было предложено стать рядовым наемником. Когда он возмутился, его на время посадили в колодец — чтобы остыл. Но рядовым он не пошел: выразил возмущение и удалился.

Один из хронистов пишет о том, какое впечатление Роберт произвел, когда пришел к Дрого: «Он признался в своей бедности, и то, что говорили его губы, подтверждала его наружность, ибо он был чрезвычайно худ». То есть это была сцена разговора разбогатевшего и прославившегося сводного брата с нищим, голодным, которому нечем платить своим разбойникам. Но нищий и голодный проявил характер, в рядовые не пошел, а отправился искать покровительства в других местах. Он стал простым наемником, то есть простым разбойником. Ему удалось найти покровителя в Капуе (это южная Италия, в далекой древности место восстания Спартака).

Сегодняшняя Европа кажется мирной, спокойной, сытой, даже немножко консервативной, но в Средние века она бурлила. Везде было неспокойно, а на юге особенно. У южной Италии тяжелая историческая судьба: там шла постоянная борьба. В эпоху Великого переселения народов, в IV–VII веках, туда пришли германские племена лангобардов. Они создали свое королевство — такое же варварское, как королевство франков на территории будущей Франции, королевство вестготов в будущей Испании и так далее. Но положение Южной Италии и острова Сицилия, сильно выдвинутого в Средиземное море, делало их лакомыми кусками и для других завоевателей.

И они очень быстро обнаружили. Восточная Римская империя стала претендовать на эти земли и закрепились в южной части Апеннинского полуострова, а Сицилию захватили арабы. На территории, которая находилась под лангобардским влиянием, начались те же процессы, что и у франков и у англосаксов в Британии. Все это со временем привело к феодализму, к появлению сеньоров, баронов, крепостных крестьян. Когда в Южную Италию прибыли нормандские разбойники, там царил хаос, а значит, был шанс получить кусок земли.

Покровителем Роберта в Капуе стал один из лангобардских правителей Пандульф IV. Но через два года, в 1050-м, он умер. Роберт снова пошел на поклон к Дрого и на сей раз договорился с ним: брат поручил ему командовать гарнизоном отвоеванной у византийцев крепости Скрибла в Калабрии. Это была первая ступенька, хорошая стартовая позиция для сильного и честолюбивого человека.

В эти же годы Роберт женился на Альбераде, родственнице влиятельного апулийского барона, Жерара из Буональберго. Такой брак вполне годился для реализации его карьерных планов. Жена родила ему двоих детей, один из которых — Боэмунд, тот, что станет князем Антиохийским и прославится в Первом крестовом походе.

Когда Дрого скончался, его сменил другой сводный брат Роберта — Хэмфри. Он почувствовал опасность со стороны боевого коменданта крепости, который к тому же укрепил свою позицию с помощью выгодного брака. Хэмфри намеревался сделать так, чтобы Роберт оставался в Калабрии и никуда оттуда не выезжал.

Но судьба распорядилась иначе. Хэмфри заболел и понял, что умирает. Он призвал к себе Роберта и попросил его заботиться о своих сыновьях. Конечно, брат пообещал исполнить его волю. Кстати, именно тогда он получил прозвище Гвискар, означающее «хитрый, лукавый».

Как только Хэмфри скончался, Гвискар сделал все возможное, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на графское место. Он сумел расположить к себе верхушку общества — и в 1057 году был избран графом Апулии в обход племянников. Правда, он с ними не расправился и вообще особой жестокостью не отличался. Впрочем, это лишь по средневековым меркам. Известно, например, что иногда он любил выбивать зубы пленникам.

Итак, вчерашний никто, нищий рыцарь, стал графом Апулии, правителем богатой и стратегически хорошо расположенной области.

Примечательно, что Данте упоминает Роберта Гвискара и помещает его в своей «Божественной комедии» в рай. Как это возможно? Надо помнить, что он был не убийцей, а завоевателем. То, что жизнь — это

война, он впитал с молоком матери. С точки зрения Данте, Роберт Гвискар был правителем ничуть не худшим, чем владевшие соседними территориями арабы, к тому же придерживался христианской веры. К этому времени уже совершилось разделение церкви на католическую и православную. Гвискар был сторонником западной церкви.

В его бурной жизни был момент, когда он сблизился с папами римскими, хотя бывал с ними и во вражде. Заступаясь за папу Григория VII, он в горячке сжег вечный город Рим. Но Данте ему это простил. Поэт возвысил Роберта за то, что тот был за папу, за западный обряд, за католичество. Данте только в теократической идее своего времени видел надежду на объединение Италии.

Едва став графом Апулии, Роберт захотел большего. Он был из тех, кто не останавливается на достигнутом. И исторический контекст, в котором он находился, предоставлял ему такие возможности. Гвискар наметил захватить очень важный центр — Салерно. Это город в Южной Италии, в области Кампанья, плодородной, с трудолюбивым населением.

Наметив себе Салерно, Роберт поменял жену. Он объявил, что его брак с Альберадой недействителен: оказалось, что они близкие родственники. В средневековой Европе это был традиционный повод для того, чтобы аннулировать брак. На сей раз Роберт женился на женщине по имени Сисельгаита, сестре правителя Салерно, князя Гизульфа II. Так был династически проложен путь в желаемую область.

Мерри-Жозеф Блондель.

Боземунд I. 1843 г.

Дочь византийского императора Анна Комнина пишет о второй супруге Гвискара (называя ее Гаита): «В полном военном облачении эта женщина имела устрашающий вид». Современники сравнивали ее со скандинавской воительницей валькирией. Эта воинственная женщина останется с Робертом до конца жизни, у них будет восемь детей.

Роберт постоянно оправдывал прозвище Гвискар — Хитрец. Его хитрости были простодушными, но не невинными. Например, ему приглянулся монастырь в Южной Италии, стоявший на неприступной скале. Штурмовать его было невозможно. Гвискар придумал хитрый план. В монастырь явилась траурная процессия. Печальные норманны принесли гроб и попросили отслужить заупокойную службу по погибшему другу. Монахи начали службу. И тогда «мертвец» выскочил из гроба, где было полно мечей... Воспользовавшись этим оружием, норманны захватили монастырь. Тем монахам, которым удалось уцелеть, Роберт Гвискар разрешил оставаться в своих кельях. Это в очередной раз говорит о том, что он не был абсолютным злодеем.

Добившись успеха, он всегда хотел большего. В мыслях у него была Сицилия, но там обосновались арабы. Для завоевания острова Роберт придумал ход дипломатический и идеологический. В тот период в папстве царил раскол. Гвискар вступил в контакт с удивительным человеком, кардиналом Гильдебрандом, будущим папой Григорием VII, который от имени тогдашнего папы Николая II привлек его к борьбе против антипапы Бенедикта X. Когда норманны стали союзниками папы Николая II, тот признал Роберта Гвискара герцогом Апулии, Калабрии и Сицилии, которую только еще предстояло завоевать.

Папа объявил Гвискара законным правителем, хотя не имел для этого никаких полномочий. Юридическим основанием для такого решения послужил Константинов дар — фальшивый документ о том, что император Константин якобы предоставил всю Италию в распоряжение римского епископа. В XV веке гуманист Лоренцо Валла разоблачит обман. Но Роберту Гвискару выгодно было верить в папские полномочия.

Получив от папы поручение обратить арабов в истинную веру, он 10 лет, с 1061 по 1071-й, вместе с братом Рожером воевал на Сицилии и наконец захватил остров. Завоевание Сицилии имело большое стратегическое значение для мореплавания.

Но Роберту и этого оказалось мало. К этому времени византийцы были почти вытеснены из Южной Италии. Их последний оплот, город Бари, Гвискар осаждал три года и наконец вступил в Бари 16 апреля 1071 года.

В возрасте 60 лет он окончательно закрепил за собой Салерно.

Да, Гвискар был уже немолод, но продолжал строить амбициозные планы. В соответствии с логикой удачливого завоевателя он стремился не осваивать то, что получил, а двигаться вперед и добиваться большего. Он, который 30 лет назад был никем, теперь задумал идти войной на Византию. Когда-то его далекие предки германцы добились находившуюся в кризисе Западную Римскую империю и расселились на ее территории. Нечто подобное затеял и он. Тем более что в Византии был внутренний кризис, часто менялась императорская власть.

Свою дочь Елену Гвискар отправил с целью замужества в Византию — безусловно, чтобы закрепить свои позиции. В этот момент там состоялся переворот, был свергнут император Михаил VII, Елена оказалась заложницей, а ее спасение стало прекрасным поводом для военного похода.

Роберту Гвискару грезились императорская корона. Он даже пригрозил у себя самозванца, который объявил, что он спасшийся император Михаил. Правда, получилось неловко: настоящий Михаил действитель-

Лоренцо Валла.

Гравюра. 1405–1457 гг.

*Папа Григорий VII.
Миниатюра. XIV в.*

ли папству. Григорий VII Неистовый отлучал от церкви многих. В 1077 году, например, германского императора Генриха IV, которому пришлось торжественно покаяться. А вот Гвискар кланяться не поехал. Он вообще не обратил на отлучение особого внимания.

Он был поглощен идеей войны с Византией. В 1081 году он был уже в ее владениях на Балканском полуострове. Сначала захватил остров Корфу — это была прекрасная военная база. Потом осадил порт Диррахий на территории нынешней Албании. Много месяцев длилась тяжелая осада. 18 октября 1081 года произошла знаменитая битва при Диррахии. Туда прибыл сам византийский император Алексей I Комнин и лично участвовал в бою. Сражались на поле боя и сам Роберт Гвискар, и его жена.

На стороне византийцев воевали англосаксы, выходцы из Британии. Битва была отчаянная. Норманны дрогнули и побежали. Анна Комни-

но был жив и постригся в монахи. Что касается дочери, то посол сообщил Гвискару, что с ней все в порядке и она выходит замуж за Константина Дуку, сына свергнутого императора. Но Роберт уже решил, что пойдет ее спасать. Надо сказать, что в это время у него расстроились отношения с папой Григорием VII, поэтому он не мог двинуться в Византию под предлогом укрепления западной ветви церкви.

Папа два раза отлучал Роберта Гвискара от церкви. За что? За излишнюю жадность и разбой: герцог стал захватывать земли на территории Италии, которые принадлежали

на пишет: «Тут Гаита, жена Роберта, которая скакала бок о бок с ним и была второй Палладой, если не Афиной, увидела, что их воины бегут. Она в ярости обратилась к ним, призывая их громовым голосом на своем языке в словах, достойных Гомера: "Далеко ли вы бежите? Остановитесь и успокойтесь, как пристало мужам!"»

Увидев, что воины продолжают отступать, она схватила длинное копьё и, пустив лошадь в галоп, помчалась за беглецами, после чего те опомнились и вернулись на поле битвы. Представим себе: многодетная мать, в шлеме, из-под которого выбиваются белокурые волосы, с длинным копьём, вернула бежавших воинов. Битва при Диррахии была выиграна. Алексей Комнин ранен, вынужден отступить и отбыть обратно в Византию.

Казалось, после такой победы Роберт немедленно раздавит Византию окончательно... Но он получил известие о страшных мятежах, поднятых против него в Италии, и о том, что армия германского императора идет на Рим, а папа взывает о помощи. Тот самый папа, отлучивший его дважды. Но они уже помирились, и Григорий VII умолял спасти его.

Роберт дал клятву не мыться и не бриться до возвращения на Балканы. Через два года он ворвался в Рим. Папа уже сидел в заточении, и Роберт выпустил его на свободу. Германский император отступил. Боя за Рим не было.

Однако норманны стали так беспощадно грабить город, что восстало местное население. Гвискар чуть не попал в плен. Ему удалось вырваться, а его воины-разбойники после трех дней разграбления подожгли Вечный Город.

Удивительно, как многие события «редактируются» в памяти потомков. Вроде бы Гвискар должен был остаться в истории как страшный злодей. Но ему многое прощается. В западной историографии на первый план выдвигаются его борьба против Восточной Римской империи и изгнание арабов с Сицилии.

Еще один важный фактор: в Первом крестовом походе прославился непризнанный сын Роберта Гвискара от первого брака, Боэмунд Тарент-

ский. Этот человек был и отважен, и умен — и направил свою воинскую активность на благое дело, как считали современники. Позже он станет князем Антиохии, которую отвоюет у турок-сельджуков. В сознании многих фигуры Роберта Гвискара и его сына соединились.

Есть легенда о смерти Роберта. В свои 69 лет, водворив на место римского папу, подавив протесты в Италии, он снова отплыл в Грецию, в поход против Византии. На островах его войско настигла некая эпидемия. Может быть, это была чума. В период раннего Средневековья именно с греческих островов чума приходила в Западную Европу. Главными разносчиками болезни считались крысы, а место их обитания — корабли. Сильный флот, который Гвискар создал еще в начале своих завоеваний, используя норманнский и южно-итальянский опыт, поразила эпидемия, и предводитель, который, в сущности, был близок к тому, чтобы угрожать византийскому императорскому трону, скончался в 1085 году. Он только 10 лет не дожил до Первого крестового похода, до новой страницы европейской истории.

Когда тело Роберта, который завещал похоронить себя в Италии, везли на корабле, начался шторм и гроб выпал за борт. Сохранить тело было невозможно. Поэтому захоронили в конце концов забальзамированные останки. Смерть и фатум часто указывают великим завоевателям: не заносись, человек!

Энрико Дандоло

САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ДОЖ ВЕНЕЦИИ

Энрико Дандоло — уникальная историческая фигура. У его уникальности несколько граней. Взять хотя бы то, что он в 95-летнем возрасте (и будучи слепым) участвовал в штурме Константинополя. Уже этого одного достаточно, но есть и другие факты. Например, Дандоло был уникально алчен, но богатств хотел не лично для себя, а для Венеции.

Венеция на рубеже XII–XIII веков была относительно самостоятельной: если и входила в состав каких-то государственных образований, то довольно условно. Дольше всего она пробудет под австрийским владычеством — в начале Нового времени, — а потом станет частью итальянского государства.

У Венеции интересная история рождения и формирования. Это город-государство на островах, город-коммуна. И сейчас Венеция расположена на 118 островах — ближайший к матерiku соединен с ним двумя мостами: железнодорожным и автомобильным. Улицы Венеции — 150 больших и малых каналов. В городе около 400 мостов.

Венеция выстояла в VI и VII веках, когда завершилось Великое переселение народов. Она была осколком Римской империи, но, когда все начало разваливаться, не стала провинцией. Туда, на острова, бежали люди из Западной Римской империи. Там спасались от дикарей — гер-

Гюстав Доре. Энрико Дандоло благословляет рыцарей. Около 1883 г.

манцев, гуннов и прочих. Главным островом был Риальто, на котором беглецы и скрывались. И вот что очень важно: среди беженцев были люди разных римских сословий, ведь жить хотелось всем. Они самоорганизовывались, создавали поселения, общины, где соединялись разные люди: и знатные, и простые. У представителей знати был опыт римской политической жизни. Таким образом, идеи совещательных органов, выборности должностей постепенно возобладали в будущей Венецианской республике: дожа (главу республики) избирал небольшой совет.

Укрытые морем, венецианцы не были покорены ни гуннами, ни остготами, ни лангобардами. Некоторое время Венеция находилась под патронатом Восточной Римской империи — Византии. Поскольку византийские императоры стремились подчинить себе город, Венеция постоянно балансировала на грани войны и мира.

К концу XII столетия Венеция и Константинополь стали серьезными соперниками. Они мешали друг другу. Константинополь — золотой мост между Европой и Азией, но и Венеция превратилась в очень важный пункт торговли между Востоком и Западом. Венецианцы создали сильный флот, стали торговать на морях. А торговать в то время значило грабить, топить корабли конкурентов.

Энрико Дандоло предстояло сыграть важную роль в том, чтобы Венеция победила в своей вечной борьбе с Византией. Это произошло во время Четвертого крестового похода 1202–1204 годов.

Венецианский дож Энрико происходил из семьи Дандоло — одного из 12 древнейших патрицианских родов Венеции. Патриции в средневековых городах-коммунах — это не то же, что патриции в Риме, не аристократия. Это торгово-купеческая верхушка, богатейшие и потому уважаемые люди.

По версии энциклопедии Брокгауза и Эфрона, первый венецианский дож в X веке был из рода Дандоло. А всего из этого рода вышли четыре дожа. Еще один знаменитый — помимо Энрико — Андреа Дандоло, правивший во второй половине XIV века.

Andrea Dandolo

Герб Андреа Дандоло.

Иллюстрация. XVII в.

Отец Энрико — Витале Дандоло — был советником 38-го дожа Витале Микьеля II. Кроме того, у Энрико был очень известный дядя — полный тезка, тоже Энрико Дандоло, патриарх Градо в Далмации, защитник идей Григория VII о том, что папа римский превыше всего на свете, прямой наместник Бога на земле, а все светские государи целуют ему ноги (со временем это переросло в целование туфли).

До 60-летнего возраста Энрико Дандоло в политических делах не существует. В политике только его родственники. Он же был купцом, торговавшим и разбогатевшим на

торговле с Востоком, и адмиралом венецианского флота.

Венеция была в то время небольшой олигархической республикой (хотя сами венецианцы называли свое государство коммуной). На море она соперничала с Генуей, Пизой, а главное — с Османской империей. В годы своей купеческой и военно-морской деятельности Энрико приобрел определенный дипломатический опыт, заговорил на нескольких языках. Для эпохи, когда не существовало статуса переводчика, это было особенно важно. Мир Восточной Римской империи был пестрым этнически и лингвистически.

Созрев для дипломатической деятельности, 63-летний Энрико Дандоло в 1171 году отправился послом в Константинополь и пробыл там два года, ведя тяжелые переговоры о судьбе нескольких тысяч венецианцев, оказавшихся в византийской тюрьме.

Как это произошло? В Константинополе был венецианский квартал. Остальные горожане были недовольны жадностью торговцев, державших высокие цены. Окружающим не нравилось, что венецианцы одеты

не так, как местные, едят другую пищу, ведут себя заносчиво. К тому же они не православные, а официальной религией в Византии было православие. Недовольство богатством и обособленностью соседей вызвало бунт. Несколько тысяч венецианцев оказались в тюрьме. Те, кто их туда посадил, явно рассчитывали на выкуп.

В Византии в это время наблюдался упадок императорской власти. Правившая более 100 лет династия Комнинов имела несомненный авторитет. Но в 1185 году утвердилась новая династия — Ангелов, — пришедшая к власти путем узурпации. Это типичная ситуация для Византии, в истории которой немало императоров было передушено, перерезано, ослеплено...

При ничтожных новых правителях усилилось давление со стороны турок-сельджуков, шедших из Малой Азии. А на севере Балканского полуострова утвердились норманны, которым с юга Италии уже хотелось идти дальше. Огромная и пестрая Византийская империя, владевшая землями на Балканском полуострове, в Малой Азии, на Ближнем Востоке, делалась все менее прочной. Определенную роль в ее ослаблении сыграло и то, что традиционное византийское войско — только наемное. В стране не складывалась нация — не было и национальной армии.

В этой сложной обстановке Энрико Дандоло был направлен для переговоров о судьбе нескольких тысяч заключенных. Продолжались эти переговоры два года. Некие позитивные результаты были, и деятельность Энрико получила одобрение: в 1183 году он был вновь командирован в Константинополь с целью довести дело до конца — восстановить в городе венецианский квартал.

Энрико Дандоло стал венецианским дожем через 9 лет, в 1192 году. Есть, правда, одна загадочная деталь. Известно, что он был к тому времени не только немолод, но и слеп. Возможно, его ослепили византийцы в одной из его дипломатических миссий. В Византии такая кара чаще всего применялась в отношении императоров. Считалось, что высшая власть может принадлежать только безупречному, полностью здоровому человеку. Тот, кто ослеплен, не может претендовать на престол.

Трудно сказать, зачем ослеплять посла. Но если это все-таки произошло, данное событие в некоторой степени объясняет особую ретивость Энрико Дандоло в Четвертом крестовом походе в отношении взятия Константинополя. Не было ли в этом оттенка личной мести? Подобные мотивы были важны в жизни многих исторических персонажей.

С чем могло быть связано предполагаемое ослепление? Пока Дандоло вел переговоры, Венеция собиралась напасть на Константинополь. Но хитрый византийский император заключил союз с Пизой и с Генуей, и венецианский флот был потоплен. Это и стало толчком для прямой конфронтации. При этом надо помнить, что в средневековье послы не имели особого дипломатического статуса, не были защищены никакими особыми грамотами. Наоборот, за дурную весть послов часто казнили.

Уцелев в этих драматических обстоятельствах, Энрико в возрасте 84 лет был избран дожем. Он первым из венецианских дождей принес присягу — традиция остается навсегда. Присяга дожа определяет его полномочия. Он на Евангелии клянется блюсти законы, поступать честно; выслушав стороны и судей, выносить приговор по совести; не принимать ценных подарков; следить за исполнением решений советов; не состоять в личной переписке с папой римским или иными правителями. Появление такого документа означает, что Венеция все более оформляется как самостоятельное государство.

В 1192 году Энрико Дандоло, слепой, преклонных лет, вступил в самую активную фазу своей деятельности. В воздухе носилась идея очередного крестового похода. Ее выдвинул наиболее харизматичный из римских пап — Иннокентий III. Он занял папский престол в 1198 году, в возрасте 37 лет, и стал самым молодым римским папой. Ему предстояло прожить долгую жизнь, прославиться — в кавычках, конечно, — насаждением инквизиции, борьбой с ересью на юге Альбигойской области во Франции.

Замысел Четвертого крестового похода окрылил Европу. Важно было решить, кто его возглавит. После долгих совещаний в 1200 году

был избран предводитель — граф Тибо III Шампанский. Теперь требовался флот, чтобы перевезти крестоносцев в Святую землю. Начались переговоры с Венецией, а именно с Энрико Дандоло.

Дождь затребовал за перевозку огромную сумму. Венецианцы полагали, что крестоносцев будет не менее 30–35 тысяч человек — западноевропейские феодалы со своими отрядами. И Дандоло затребовал 85 тысяч марок серебра. По подсчетам специалистов, это примерно 20 тонн драгоценного металла! Причем в требованиях своих венецианский дож стоял на смерти. Крестоносцы решили, что соберут необходимую сумму: отрядов будет много, предводители богатые. И вдруг в возрасте 22 лет умер Тибо Шампанский.

Это уже второй такой случай. В 1197 году намечался предыдущий предводитель — император Генрих VI, сын Фридриха I Барбароссы. В Германии он собрал сторонников похода в Святую землю, получилось большое войско. И тоже неожиданно умер в 32 года.

После смерти Тибо Шампанского поползли слухи. Люди стали говорить: «Что-то не так, дурные приметы, Бог против». Задумались, не висит ли над походом проклятие.

В этот момент нашелся замечательный человек, который повел себя энергично и уверенно, — маршал Шампани Жоффрау де Виллардуэн. После Четвертого крестового похода он напишет (вернее, наверное, надиктует на французском языке) книгу «Завоевание Константинопо-

*Император Генрих VI.
Манесский кодекс. 1300 г.*

ля» — и станет одним из основоположников французской национальной литературы.

Жоффрау де Виллардуэн предложил новую кандидатуру — маркиза Бонифация Монферратского. Тот подошел по всем показателям: он был братом прославленного Конрада Монферратского — крестоносца, убитого ассасинами в Святой земле в борьбе с Саладином. Его имя могло служить знаменем отмщения. Кроме того, Бонифаций был известен как прекрасный воин и был склонен к смелым (если не сказать авантюрным) предприятиям.

Крестоносцы избрали предводителя, несколько успокоились и в августе 1202 года собрались в Венеции. Их оказалось от 12 до 20 тысяч человек вместо запланированных 35 тысяч. Но Дандоло оставался непреклонен и требовал всю сумму. Аванс был уже внесен. К тому же существовало такое понятие — «рыцарское слово». Не надо было подписывать никаких документов. Если договорились — надо платить. Источники цитируют слова 93-летнего Энрико Дандоло: «Вы не можете выполнить условия договора? Мы в таком случае умываем руки — кораблей не будет». Это был не дряхлый слепец, а уверенный, жесткий проводник политики Венеции.

Поскольку 20 тысяч крестоносцев не могли собрать достаточно количества денег, Дандоло предложил способ решения проблемы — поход на христианский город Задар на Адриатике (в нынешней Хорватии). У Венеции были торговые противоречия с этим городом-коммуной.

Трудно сказать, как крестоносцы сговорились со своей христианской совестью, но ведь они были в безвыходном положении! Уже во время осады Задара многие из крупных феодалов колебались и предлагали не захватывать город, а заключить с ним соглашение. Но тогда снова выступил Энрико Дандоло, провозгласивший: «Никаких договоренностей! Штурм!» Город был захвачен и разграблен. Ситуация неловкая, но крестоносцы постарались забыть о ней. У них была благородная цель — освободить Святую землю.

Пока же они остались зимовать в Задаре. В начале 1203 года туда прибыли послы византийского царевича Алексея, который сообщил, что его отца, императора Исаака Ангела, свергли, и попросил вернуть его на престол. Поскольку Исаак был ослеплен, занимать престол он отныне мог лишь при соправителе, которым и должен был стать Алексей.

Цесаревич немало посулил крестоносцам: во-первых, огромную сумму — 200 тысяч марок серебром (60 тонн); во-вторых, 10 тысяч войска в помощь в Святой земле. И самое главное: вернуть Византию в лоно католической церкви, под власть римского папы. Алексей не имел для этого никаких оснований (все равно что обещать полет на Луну), но был готов на все.

Крестоносцы получили не только деньги, но и новое идейное знамя — возвращение Византии к истинной вере. Эффект был огромный. В июле 1203 года они осадили Константинополь с моря и суши. И старик Дандоло вместе с ними.

Была разбита знаменитая железная цепь, которая преграждала кораблям вход в бухту Золотой Рог. Ведь чем сильны венецианцы? Они отличные моряки, строители кораблей и мастера работы по всевозможным металлам. Оружие они умеют изготавливать сами, и очень совершенное. Их предки, расселившиеся на болотах, прошли в борьбе за жизнь школу и мастерства, и воровства, и торговли. Поднявшись на новый уровень развития (вот у них дож уже приносит присягу, у них есть советы, суды), они нуждаются в расширении своей территории, обогащении. После Четвертого крестового похода некоторое время — до конца XV века — будет существовать морская Венецианская империя с весьма обширными владениями.

Итак, 17 июля 1203 года венецианцы атакуют Константинополь с моря, и 95-летний Энрико Дандоло стоит на носу галеры в полном боевом облачении, со штандартом Святого Марка в руке. Он приказал высадить себя на сушу — слепой старик. Высадили, и, вероятно, это содействовало тому, что греки отступили. Крестоносцы вошли в Константинополь (хотя окончательно занять город им удалось лишь в 1204 году).

Ночью узурпатор Алексей III бежал из города, прихватив, как пишет автор замечательной книги о крестовых походах А.А. Доманин, несколько сотен килограммов золота и драгоценностей. И это была еще не вся казна. Ведь Константинополь начала XIII столетия — один из богатейших городов мира.

В этой ситуации произошло временное примирение крестоносцев с верхушкой Константинополя. Из тюрьмы был возвращен на престол ослепленный Исаак Ангел. По требованию Дандоло он подтвердил все обещания, в том числе договоренность о деньгах, — правда, сквозь зубы, скрепя сердце: он понимал, что не может их выполнить. Его сын, Алексей IV, был коронован соправителем. Несчастные соправители просили хоть сколько-нибудь уменьшить сумму долга, но дож оставался непреклонен: «Или уплачивайте все, или война! Если не соберете деньги, я возьму их сам».

Тонкий момент: теперь Дандоло угрожал законному правителю, которого возвратили из узилища на престол, фактически подстрекал к захвату Константинополя. Как не вспомнить историю с предполагаемым ослеплением Энрико: кто знает, не полыхало ли его сердце помимо интересов Венеции, которые всегда были для него очень важны, идеей личного мщения?

Почти год крестоносцы провели под стенами Константинополя. Они стояли лагерем, причем рядовые участники похода то и дело интересовались: а не пора ли в Святую землю? И выражали недовольство: все-таки они шли не сюда. Но Дандоло оставался непреклонен: «Пока византийцы не заплатят всю сумму, не будет вам никаких кораблей». А без кораблей добраться до Святой земли было невозможно. Все знали, что сухопутный маршрут совершенно губительный. Поэтому продолжалось что-то вроде позиционной борьбы между паломниками-крестоносцами и правителями Константинополя. Договориться ни о чем не удавалось.

13 апреля 1204 года уставшие ждать крестоносцы захватили город. Решение о штурме, по-видимому, приняла группа предводителей: Дандоло, Бодуэн Фландрский, который станет королем Латинской импе-

рии, и Бонифаций Монферратский. Скорее всего, их подтолкнуло к этому штурму нарастающее недовольство рядовых крестоносцев. В самом Константинополе ситуация тоже очень нестабильная. Неизвестно, кто может завтра выразить свое недовольство, потому что для того, чтобы собрать эти безумные деньги, надо объявлять новые, непосильные для народа поборы. Правители боятся населения Константинополя, боятся, что их свергнут, — и не зря: Ангелы действительно будут свергнуты во время этих событий. А в конце концов будет покончено и с Византией.

В Константинополе было велико и недовольство служителей церкви. Православные монахи говорили: «Правители Ангелы обещали подчинить нас Римской церкви. Это невозможно! Истинно верующие православные никогда не подчинятся». Возник бурлящий котел страстей. Монахи и простой люд Константинополя были готовы сопротивляться крестоносцам; византийские наемники все еще были довольно сильны. Но и крестоносцы под западными стенами устали и рвались штурмовать город.

Штурм произошел. Разграбление, по сообщениям очевидцев, было чудовищным: и насилие, и грабеж. Было украдено и погублено очень много сокровищ, в том числе и предметов культа. Пропало несколько замечательных православных икон, которые считались бесконечно ценными, священными, целительными, — как это часто бывает в церкви.

Потом случится второе падение Константинополя, в 1454 году, и опять будут гибнуть святые. Как все произведения духовной культуры, они гибнут во время таких событий в первую очередь. Находятся мародеры, которым, в общем-то, нетрудно с Богом договориться...

Во время этого грабежа 1204 года были вывезены (конечно под руководством Энрико Дандоло), четыре замечательные бронзовые статуи античной работы. Они и по сей день стоят на фронте базилики Сан-Марко в Венеции, будучи в числе важнейших символов города.

После Четвертого крестового похода венецианский дож получил следующий официальный титул: владыка четверти и полчетверти Ви-

зантийской империи. На латыни это звучит так: *Dominus quartae partis et dimidiae totius imperii Romaniae*.

Но сначала предводители похода собрались на совещание о том, кому достанется власть. Они решили объявить Византию, империю ромеев и греков, несуществующей и провозгласить Латинскую империю. Жизнь этого образования продлится до 1261 года. Это такой проходной политический символ, уродец на европейской карте.

Прозвучало предложение избрать императором новоявленной Латинской империи 96-летнего венецианского дожа Энрико Дандоло. Обсуждалась еще одна кандидатура — графа Фландрского Бодуэна IX. Кажется, дож не настаивал. Ему важнее было получить земли для своей республики.

Что же досталось Венеции? Часть Константинополя, несколько портов на Мраморном море, остров Эвбея у греческих берегов, важнейший для торговли, острова Крит и Корфу. Венеция стала средиземноморской империей.

Дандоло остался в Константинополе. Он успел принять участие в отстаивании новых территорий. От того, что крестоносцы объявили Латинскую империю, реальной империи не возникло: это были отдельные земли, которые еще долго делили и оспаривали. Это был очень большой котел торгово-экономических и политических интересов и распрей. Их отразил Четвертый крестовый поход, в котором крестоносцы плыли-плыли якобы в Святую землю, но не добрались до нее, остановились на христианских землях, захватили Задар и Константинополь. Они делили между собой европейские территории.

В 1205 году Энрико Дандоло в возрасте 97 лет принял участие в неудачном походе против болгар, недовольных расширением Латинской империи, и во время этого похода умер. Похоронен он был в почетнейшем месте — храме Святой Софии, который в середине XV века будет превращен в мечеть. Однако место захоронения уцелело, нет сведений о том, что могила была потревожена. Удивительная жизнь, удивительная фигура, и множество граней у этой уникальности.

Танкред Сицилийский

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ — ВЛАСТЬ

Этот исторический персонаж у нас почти неизвестен. Он был сицилийским королем всего четыре года, причем последним — больше королей, самостоятельных правителей, на Сицилии не было. И с его именем связана одна из альтернатив западноевропейской истории.

В XII веке на Сицилии уже существовало некое государство (оно включало в себя и часть южной Италии), которое имело свое лицо, причем очень интересное. Назовем только одну особенность: там была немыслимая для Средневековья этническая толерантность. На острове укрепились выходцы из Северной Франции, куда их предки пришли когда-то с севера Европы, — потомки викингов, нормандцы. Заняв эту территорию после череды других завоевателей, что они там оставили? Чиновники — арабы, воюют нормандцы, а финансами ведают греки-византийцы.

Жизнь Танкреда была подчинена идее стать властителем Сицилии. На пути к этому существовало множество препятствий. Танкред был в центре политической жизни конца XII века. Достаточно сказать, что за четыре года у власти он успел сильно поссориться, а потом помириться с самим Ричардом Львиное Сердце. Танкред — потенциальный участник Третьего крестового похода, он хитрил и лавировал между Ричардом Львиное Сердце и Филиппом II Августом. В итоге Танкред достиг

Дженнаро Малдарелли. Великодушный Танкред освобождает императрицу Констанцию. Фрагмент росписи потолка в Королевском дворце в Неаполе. 1840 г.

своей цели и, вероятно, буквально перед смертью понял, какую ошибку совершил. А вот историческая альтернатива чрезвычайно интересная.

Сицилийское государственное образование было альтернативой в европейской истории, причем альтернативой с очень древними корнями. Дж. Норвич, автор книги «Нормандцы в Сицилии», которая вышла на русском языке в 2005 году, пишет: «Остров Сицилия — самый большой в Средиземном море. На протяжении веков он постоянно оказывался и самым несчастным». Те, кто сегодня отправляется отдыхать на сицилийские курорты, не задумываются о драматической судьбе этого острова, о его важной роли в средневековой европейской истории.

Дж. Норвич так характеризует Сицилию: «Перевалочный пункт по пути из Европы в Африку. Ворота между Востоком и Западом, между

латинским и греческим миром. Одновременно крепость, наблюдательный пункт и расчетная палата». Вот почему у острова была сложная роль в системе политических отношений. «Он был лакомым куском для всех великих держав, которые в разные времена стремились к господству в Центральном Средиземноморье».

Сицилия принадлежала всем по очереди и, по сути, не принадлежала никому. Вспомним Пунические войны, одни из самых знаменитых в древней истории. Центральная точка самой острой Пунической войны — конечно, борьба Рима и Карфагена, а Карфаген — государство в Северной Африке. То есть это была борьба Европы и тогдашней Африки, Востока в лице Африки, за Сицилию. И какие битвы, и как это все было отчаянно...

Перечислим тех, кто завоевывал Сицилию. Сначала Рим и Карфаген, потом вандалы, вестготы (начало средневековой истории), Византия, арабы в IX веке, норманны в XI веке. На смену им пришла французская анжуйская династия (XIII век), Арагон (XIV век). В Новое время: Савойское герцогство, Австрия в XVIII веке, Бурбоны, которые правили Сицилией из Неаполя и называли эту территорию Королевством обеих Сицилий...

И только в 1861 году с помощью Джузеппе Гарибальди остров вошел в объединенное Итальянское королевство. Сегодня это один из департаментов Италии, но его самобытность сохраняется, она ощущается даже в том, что литературы об истории Сицилии так мало. Когда-то взлетевшее на вершины славы, а затем топтаное-перетоптанное полчищами завоевателей государство — действительно по-своему несчастный уголок Европы. Но зато те, кто видит сицилийские красоты сегодня, приходят в изумление от немыслимого сочетания в архитектуре мотивов арабских, византийских и романских. Все это сплетено в неповторимой красоте кафедрального собора в Палермо. Но в этой красоте — это отмечают все — есть какой-то трагизм.

Судьба Танкреда — последняя точка на трагическом пути Сицилии: взлет, после которого самостоятельного королевства больше нет.

А ведь оно было и называлось Regno (на сицилийский лад — Regnu) di Sicilia. Казалось, вот сила, которая наравне с Францией и Англией пугает Византию, воюет в Африке (кое-что было завоевано на территории нынешнего Туниса), — но не получилось. И субъект этого «не получилось» — как раз Танкред, король Сицилии.

Танкред — имя нормандское, очень популярное в Северной Франции у потомков викингов. Танкред происходил из рода Отвилей, к которому принадлежал и Роберт Гвискар — величайший авантюрист, приступивший к завоеванию Италии в начале XI века, а в середине того же столетия осуществивший завоевание Сицилии. Но он королем не был.

Когда викинги оседали на завоеванной территории, они оказывались очень пластичным этносом. В 911 году первый герцог Нормандии Роллон заключил договор с Карлом Простоватым — слабым еще правителем будущей Франции. Согласно этому договору, нормандцы не должны были пропускать других завоевателей на юг, к Парижу. Закрепившись на новых территориях, викинги очень быстро меняют свой язык, вырабатывают новое наречие. Они не истребляют местное население, а используют его. И так было всюду, куда они пришли, например на северо-востоке Англии. В 1066 году нормандцы успешно завоевали Англию — это была удачная авантюра герцога Вильгельма I.

Завоевание Англии окрылило норманнов. Походы на юг Италии и на Сицилию — это продолжение их активности, как сказал бы Л.Н. Гумилев, момент их пассионарности, еще не угасшей.

Южная Италия находилась под властью слабеющей Византии, в которой культурный расцвет сочетался с политическим и военным кризисом. Не имея своей армии, византийцы всегда опирались на наемников. Было ясно: часть владений у них можно отнять — и отняли. А на Сицилии были арабы, чьи главные завоевания покатались дальше, намного дальше. Пиренейский полуостров стал для них мощной базой, а у здешних арабов не было надежной защиты за спиной. Их тоже можно было завоевать. И Гвискар завоевал. Его высшее достижение — титул герцога Апулии (это юг Италии) и Сицилии. Герцог, но не король.

Отец Танкреда — тоже герцог, Рожер Апулийский с юга Италии, сын и предполагаемый наследник короля Сицилии Рожера II, правившего с 1130 года. Деда благословил на престол папа римский (номинально Сицилия находилась в вассальной зависимости от папства).

Источники дают противоречивые данные о дате рождения Танкреда: то ли 1135 год, то ли 1145-й. Десять лет — существенная разница! А умер точно в 1194 году, ушел вместе со смертью Сицилийского королевства.

Рожер Апулийский не успел стать королем (он умер раньше своего отца), но успел произвести на свет мальчика — Танкреда. Не от жены, а от другой знатной и прекрасной дамы. Она была дочерью графа Ашара ди Лечче, звали ее Эмма. А жена у отца была совсем другая, Изабелла, дочь графа Тибо II Шампанского. Это влиятельное графство на севере Франции. То есть это был династический брак, и супруги, видимо, не сильно любили друг друга.

Здесь на помощь истории приходит миф. Народная фантазия сочиняет романтическую историю о том, что у отца Танкреда и Эммы был страстный роман, но дед, Рожер II, пресек эти отношения, отправил сына и его возлюбленную в ссылку (там Рожер Апулийский умер от тоски), а их ребенка заточил в темницу. Источники опровергают эту версию, все хронисты говорят: Танкред не сидел в темнице, он был наместником отца на континенте, в Италии.

Рожер Апулийский признал своего сына-бастарда, что было обычным делом. Отцу достаточно было прилюдно поднять младенца над головой — и тот становился законным сыном. Таковы были романтические рыцарские традиции эпохи. По материнской же линии Танкред получил титул графа Лечче. Тем не менее всю жизнь он демонстрировал сознание бастарда, который должен добиться как можно большего. В XVI столетии Шекспир удивительно ярко отразит в своих трагедиях эту особую психологию, исключительную целеустремленность незаконнорожденного.

Шансов на сицилийский престол у Танкреда не было никаких. Он рос при дворе, где его никто не угнетал, хотя он воспитывался под стро-

гим приглядом. Когда в 1154 году дед скончался, к власти пришел дядя Танкреда Вильгельм I. И хотя он имел прозвище Злой, по отношению к племяннику злым не был. Он дал ему полную свободу.

Вильгельм получил прозвище Злой после подавления восстания. В начале правления против него восстали бароны, всегда чем-нибудь недовольные, надеющиеся что-нибудь урвать. Они не желали признавать его человеком выше себя только потому, что его поддержал папа римский.

Танкред тоже принял участие в мятежах против нового правителя, вместо того чтобы быть благодарным за доброе отношение. Это будет не раз повторяться в его биографии. В 1155 году король заключил его вместе с другими зачинщиками в темницу. Танкреду тогда, по-видимому, было 20 лет. Скорее всего, он все же родился в 1135 году, ведь принять участие в баронских заговорах ребенок вряд ли мог.

Тюрьма, в которой содержался Танкред, была прямо при королевском дворце в Палермо. Мечтая оттуда вырваться, он вместе с другими заговорщиками придумал нечто фантастическое: бежать не так, как делали другие заключенные (например, им могли снаружи перекинуть лестницу или какие-то веревки), а устроить прорыв изнутри. Были подкуплены тюремщики, которые принесли оружие, открыли замки — и вот вспыхнул бунт в королевской тюрьме, находящейся внутри дворца. Из подземелья вырвались люди, которым было нечего терять. Это, конечно, очень страшно для владельцев дворца. В Англии такое было бы равносильно захвату Тауэра.

Сначала был достигнут полный успех: бунтовщики захватили Вильгельма и его семью, объявили, что их идея — низложить короля. Но между ними сейчас же разгорелся спор о том, кого возвести на трон. И, конечно, Танкред был первым претендентом. Но вдруг Церковь, которая на Сицилии всегда играла и играет очень важную роль, призвала жителей Палермо прийти на помощь королю. Нестандартная ситуация! Те бросились во дворец, спасли королевское семейство — и мятежники дружно пали на колени и стали просить пощады. Среди прочих стоял на коленях и Танкред ди Лечче.

«Злой» Вильгельм I еще раз проявил милосердие. Он простил Танкреда и еще одного бастарда из рода Отвилей, Симона Тарентского. Король предложил заговорщикам полную амнистию при условии, что они отбудут на континент. Так нет же! Едва встав с колен, они бежали. Отправились на юг Сицилии, где захватили хорошо укрепленный город Бутера.

Вильгельм собрал значительные силы. Важно помнить, что в этой истории погиб его девятилетний сын, которого заговорщики хотели короновать. Танкреда такой вариант устраивал: при маленьком мальчике в роли правителя все было бы намного проще. Но ребенок погиб — либо от шальной стрелы, либо, как пишут некоторые хронисты, был убит отцом. Это вполне возможно. Борьба за власть делает людей жестокими. К тому же в Средние века отношение к человеческой жизни было иным, чем сегодня.

Итак, Вильгельм I ринулся на Бутеру и в приступе гнева разрушил город. Лидеры-бастарды — Танкред и его родственник Симон Тарентский — опять упали на колени, моля о прощении. Часть заговорщиков и один из их лидеров, Боннеллюс, были искалечены и заключены в тюрьму. В том, что им нанесли увечья, чувствуется византийское влияние, где врагов традиционно ослепляли и ломали им конечности. Но лидеры бунта вновь уцелели! Видимо, сыграло свою роль клановое сознание викингов.

На этот раз изгнание было неизбежно. Танкред отправился на континент, но не в Южную Италию, которая находилась под властью того же сицилийского короля, а в Византию, в Грецию. Связь Сицилии с этой страной существовала с древности. Римский оратор Цицерон говорил, что Сиракузы — самый прекрасный, самый просвещенный город его эпохи.

Танкред провел в Византии пять лет, с 1161 по 1165-й, до смерти Вильгельма I. В этот период правил император Мануил I Комнин. Вообще, время династии Комнинов для Византии — одно из лучших. Переживали расцвет культура и политика. Танкред обучился византийской

дипломатии, что сказалось потом, когда ему пришлось лавировать между лидерами Третьего крестового похода. Современники восхищались тем, как ловко он себя вел.

Кроме того, Танкред в дальнейшем демонстрировал поразительные познания в алгебре, астрономии, музыке. Конечно, что-то он мог получить и в детстве — Сицилия не была темным уголком, учителя могли найтись и там. Но в Византии была благодатная почва для продолжения образования. А Танкред, как многие бастарды, был разносторонне талантлив.

В 1166 году стало известно, что Вильгельм I скончался (умер он в 1165-м, но известие пришло к Танкреду позже). Престол занял его 13-летний сын, Вильгельм II Добрый. В Средние века прозвище Добрый означает не личное благодушие, а скорее одобрение этой фигуры народом. «Добрый» значит «хороший». Но в отношении Танкреда Вильгельм II действительно оказался добрым (впрочем, как и его отец, прозванный Злым). Юный Вильгельм назначил Танкреда командующим флотом. Это было очень умно. Требовалось направить энергию этого знатного бастарда в нужное русло.

Такое государство, как Королевство Сицилия, находящееся на самом крупном в Средиземноморье острове, береговая линия которого составляет около тысячи километров (она изрезана во многих местах), располагает благоприятными условиями для мореходства. С глубокой древности на Сицилии жили мореходы, талантливые, смелые, умелые: они умели строить корабли и воевать на море. Политический успех в тот период во многом зависел от того, кому будет служить сицилийский флот.

Командующий флотом — очень важная позиция. Когда его возглавил Танкред, Сицилия вела войну с Византией. У этого государства совершенно особенная судьба. Собранная из кусков европейских и азиатских, лоскутная по самому своему происхождению, бывшая Восточная Римская империя, она вечно защищала какую-нибудь очередную территорию (а то и несколько) от посягательств соседей, не имея при этом

*Гюстав Доре.
Победоносный
Саладин.
Гравюра. XIX в.*

регулярной армии, пользуясь исключительно наемниками. Многим казалось, и не зря, что у Византии легко что-нибудь отнять. Отнимали, возвращали... И она прожила в этом состоянии почти 800 лет.

Во главе флота Танкред успешно провел две кампании: в 1174 году и в 1189-м. Первая — это война с Саладином.

Египетский правитель и военачальник Саладин начал объединять мусульманские державы против Иерусалима. Король иерусалимский Амари I обратился к христианским королям с просьбой о помощи. И только один король в Европе, Вильгельм II Сицилийский, откликнулся и послал на помощь Амари флот — 200 кораблей.

Через 15 лет, в 1187 году, Саладин захватит Иерусалим. А в 1189-м начнется Третий крестовый поход — спустя почти столетие после Первого.

Пока же огромный сицилийский флот подошел к Александрии, высадился десант, которым командовал Танкред ди Лечче. Против него выдвинулись войска Саладина — его первого прославленного противника. Танкред, понимая, что ничего не может сделать против этой армии, отдал приказ, который был очень плохо воспринят рыцарями: «Все на корабли — отплываем. Спасаем флот». И только 300 воинов не согласились эвакуироваться, попали в окружение и оказались в плену у Саладина. Танкред не выиграл битву, не помог Иерусалиму, но спас флот. И его за это воспевали на Сицилии.

Вообще-то, по неписаным законам Средневековья, рыцарь отступать не может. Ему позволено только умереть. Мысль об отступлении неприемлема. Как правило, этот принцип соблюдался. Танкред же вышел за рамки рыцарской идеологии. Он понял, что отплыть на корабле — это не то же, что дать шпоры коню и бежать. Сохранить флот — деяние очень важное и трудное. В российской истории, например, были трагические ситуации, когда командование, не в силах сохранить флот, само его уничтожало. И лишь немногие — в их числе адмирал Ф.Ф. Ушаков — умели флот отвести, найти для него выгодную позицию. Такое ценилось во все века.

Но в целом война против Саладина была безуспешной. Сухопутное войско действовало неудачно. Танкреду не удалось вернуться триумфатором. Все хронисты отмечают, что никто не винил его в неудачах армии. Однако того триумфа, на который рассчитывал, он все-таки не получил.

В 1176 году Танкред повоевал и на суше — против германского императора Фридриха I Барбароссы. Все германские императоры той эпохи находились в состоянии отчаянной вражды с папством, и папы, когда требовалось, призывали сражаться свою вассальную вотчину — Сицилию.

Проявив себя прекрасным воином, Танкред все еще не занял заметного положения в политике. Это было мучительным испытанием для его честолюбия.

Сицилийское королевство в эти годы процветало. Дед Танкреда Рожер II заложил основы эффективного управления. Чиновничьи должности он позволил занять арабам, которые славились административными талантами. Были созданы и записаны законы, и они соблюдались; работали суды. Появилась концепция двух мечей: бог вручил один меч — Церкви, другой — светской власти, то есть норманнам, потомкам великих завоевателей.

Флот Рожера воевал в Африке, его даже называли после захвата области Махдии (в современном Тунисе) Королем Африканским, и ему это нравилось. Это не был официальный титул, но звучало красиво (как «английская королева Виктория — императрица Индии»). Еще Рожер II отвоевал остров Корфу у Византии, опустошил Коринф, Фивы. Сицилия была очень заметной политической единицей.

Конечно, Танкреду хотелось стать преемником Вильгельма II. Но ничто этого не предвещало, наоборот, произошло событие, которое должно было нанести сокрушительный удар по честолюбивым планам графа ди Лечче.

Вильгельм II был женат на сестре английского короля Ричарда Львиное Сердце, дочери знаменитого Генриха II Плантагенета и Алиеноры Аквитанской, по имени Иоанна.

Но у них не было детей, а у Вильгельма — братьев, приходилось думать, кому оставить корону. И вот за три года до смерти, в 1186 году, Вильгельм собрал своих вассалов и заставил их принести страшную клятву. Надо сказать, средневековые правители неутомимо требовали этих клятв, зная, что они практически никогда не выполняются. Но Вильгельму хотелось верить, и он потребовал присягнуть его родственнице, родной тетке, сестре его отца, самой младшей (она родилась уже после смерти Вильгельма I Злого). Ее звали Констанция. Вильгельм потребовал принести ей присягу как наследнице престола, который при-

Король Генрих II

*Фредерик Сэндис.
Королева Алиенора. 1858 г.*

ходилось передавать по женской линии. В Европе всегда были с этим проблемы, но у норманнов меньше, чем у других.

Надо сказать, что в Сицилийском королевстве женщины играли более заметную роль, чем где-либо — это особенность кланового строя. Женщина у викингов — и это саги очень хорошо отражают — не отвергаема так, как это было, допустим, во Франции. Во Франции царил культ Прекрасной Дамы — теоретический, культурно-эстетический, — но в политику женщин не пускали. А Вильгельм приказал рыцарям присягнуть Констанции. Ее сразу же выдали замуж. Этот брак, который казался ему очень важным и удачным, стал трагедией для Сицилии и в конце концов ее погубил. Констанция была выдана замуж за Генриха VI, короля Германии, затем императора Священной Римской империи германской нации, сына Фридриха I Барбароссы.

Звучит прекрасно. Барбаросса — мифологизированная фигура, считается, что он победитель — хотя на самом деле он побеждал далеко не всегда. Германия — северный сосед Италии, как будто нависающий над ней. Казалось, что если заключить с ней союз, то это будет защита для маленького Сицилийского королевства от более грозных соперников — Франции и Англии. Будущее покажет, что защиты Сицилия не получила. Но брак был заключен, а Танкред вроде бы потерял последний шанс стать королем.

Вассалы Вильгельма поклялись Констанции в верности, но, как только в 1189 году Вильгельм II скончался, начались смуты. Танкред и его родственник из рода Отвилей — Рожер ди Андрия — вступили в схватку за власть. Столкновения происходили прямо на улицах Палермо. На Констанцию внимания не обращали — и зря: за ней была тень германских императоров.

Римский папа Климент III, поколебавшись, признал законным правителем Танкреда. Логика была простая: это внук основателя государства, Рожера II. 18 января 1190 года Танкред был коронован в Кафедральном соборе Палермо. Казалось бы, вот оно, счастье, вот та цель, которой он посвятил всю свою предыдущую жизнь! Он, бастард, энергичный, образованный человек, стал королем. Если он родился в 1135 году, то ему уже 55 лет — он зрелый муж. Теперь можно было успокоиться, отдохнуть. Он ведь не подозревал, что жить ему осталось всего четыре года, и жить очень напряженно.

Как только Танкреда короновали, произошли одновременно два печальных события. Во-первых, с севера надвигались германские войска Генриха VI Гогенштауфена. Он был коронован вместе со своей супругой Констанцией, наследницей сицилийского престола, и имел, соответственно, все права. Во-вторых, на Сицилии впервые в истории острова произошло восстание мусульман. До этого они мирно уживались с прочим населением Сицилии. Основатели нормандского королевства не только с мечом в руке были хороши, они действовали разумно. Мусульман не уничтожали — напротив, им доверяли чиновничьи должности.

Они вели, например, налоговые дела. Денежные же в основном были поручены чиновничеству из еврейской среды: эти люди хорошо считали деньги. А нормандцы воевали. Все это вполне логично, и обстановка была достаточно спокойная.

Но во время смут, как известно, разрушается многое из того, что разрушать не планировалось. Бунтари не планировали специально изменения статуса мусульман и евреев. Но в момент восстания, когда важно добиться власти, а на пути к ней оказывается чиновник-иновенец, рождается вечный страшный тезис: «Бей чужих!». А значит — «Бей чиновников-мусульман!», «Бей евреев-финансистов!».

В ответ на погромы вспыхнуло восстание сицилийцев-мусульман. Дело их было безнадежно, потому что они не имели самостоятельной военной силы. Их предки пришли на Сицилию очень давно, в IX веке, и постепенно заселили ее. Позже произошел распад их единой государственности, на острове образовался мелкий эмират, который был с легкостью покорен следующими завоевателями — норманнами — в XI веке. Арабы растеряли военный опыт, поэтому их бунт был легко подавлен.

Германские же войска представляли для его государства серьезную угрозу. Он бросился в Южную Италию и с трудом отбил их наступление. Тогда же был пойман и казнен сбежавший после коронации Танкред его главный соперник Рожер ди Андрия. Если раньше Танкред выступал в роли борца за собственные права, пусть несколько смутные, то теперь он превратился в гонителя и душителя.

Но впереди было еще одно важное для его биографии событие — Третий крестовый поход. В 1187 году, за два года до смерти, Вильгельм II объявил, что пойдет войной на Саладина, завоевавшего Иерусалимское королевство — творение первых крестовых походов. В поход на Саладина собирались только что пришедший к власти в Англии великий крестоносец Ричард Львиное Сердце и мудрейший, хитроумнейший французский король Филипп II. Вильгельм II предложил им двигаться через Сицилию. Это был очень удобный путь, позволявший президи-

мовать по дороге. К тому же Вильгельм обещал усилить крестоносный флот за счет сицилийских кораблей.

Что на самом деле имел в виду сицилийский король? Прежде всего — защиту от германского императора. Если на Сицилии зимуют вместе со своим войском два великих европейских правителя — Ричард Львиное Сердце и Филипп Французский, — кто же посмеет напасть?

Предложение было принято. Ричард I Львиное Сердце и Филипп II Август приплыли на Сицилию — но уже после смерти Вильгельма II. Принял их Танкред, находившийся в очень трудных обстоятельствах. Он только что подавил мусульманский бунт, только что отбил германские войска, и он еще больше, чем его предшественник, был заинтересован в дружбе с крестоносцами. Если Вильгельм Добрый на самом деле предполагал принять участие в крестовом походе, то Танкред — нет, это можно утверждать с уверенностью. Не та у него была ситуация, чтобы покинуть Сицилию, даже ради Гроба Господня. Как только отлучишься, трона больше не увидишь. Но принять таких замечательных гостей перед подвигом духовным он рад.

Однако это оказался очень опасный визит. Было еще одно обстоятельство: дело в том, что женой покойного Вильгельма II была родная сестра Ричарда Львиное Сердце Иоанна. Когда Танкред прорвался к престолу на смену Вильгельму, он по законам того времени должен был выплатить ей так называемую вдовью долю — существенные деньги, часть ее бывшего приданого. Танкреду очень не хотелось платить, к тому же он потратил немалые суммы на военные кампании.

Беспомощная вдова оставалась на Сицилии. Она не была в заточении, но играла что-то вроде роли заложницы. И вот к острову причалил ее великий брат Ричард Львиное Сердце — апогей рыцарственности, символ рыцарского века, человек отчаянный и бесстрашный. По его представлениям, обижать Даму недопустимо. Не вступая в переговоры, он силой освободил сестру и на корабле перевез в Южную Италию, в Калабрию, где был английский гарнизон. После чего он вернул-

ся и уничтожил порт Мессина. Только после этого Ричард отправился к Танкреду для переговоров.

Сицилийский король выехал навстречу. 11 ноября 1190 года был подписан договор. Танкред выплатил Ричарду вдовью долю Иоанны и еще некую сумму, которую мы сегодня назвали бы возмещением морального ущерба, причиненного бедной вдове. Правда, когда Ричард заговорил о кораблях, обещанных Вильгельмом II, переговоры пошли труднее. Танкред боялся за свой престол и не решался отдавать корабли.

В ходе переговоров Танкред проявил дипломатическую ловкость, которая раньше не была ему свойственна. Дело в том, что между крестоносными королями — Ричардом Львиное Сердце и Филиппом Французским — были весьма сложные отношения.

Ричард принадлежал к династии Плантагенетов, был одним из сыновей английского короля Генриха II и знаменитой Алиеноры Аквитанской. Плантагенеты были выходцами из Франции и, правя в Англии, сохраняли крупные французские владения. Целью жизни французского короля Филиппа Августа стало эти владения отобрать. При Ричарде это так и не получится, хотя он будет очень стараться, но он все-таки получит их при преемнике Ричарда, его младшем брате Иоанне Безземельном.

Соперничество Ричарда и Филиппа было очевидно, но у французской короны пока не доставало мощи для прямой конфронтации. Благодаря огромным владениям на континенте англичане были значительно богаче и сильнее. Когда Ричард поддался крестоносному порыву, Филипп, конечно лицемеря, притворяясь — а это было его позицией на протяжении всей жизни, заявил, что тоже идет в крестовый поход и они с английским королем чуть ли не побратимы. До этого Филипп объявлял себя поклонником отца Ричарда, Генриха Плантагенета, ненавидя его: ведь тот женился на Алиеноре Аквитанской, разведенной жене отца Филиппа.

Итак, в 1190 году, почти через 100 лет после Первого, начался Третий крестовый поход. Его называют иногда «Поход трех императоров»,

поскольку его возглавили Ричард Львиное Сердце, Филипп II Французский и Фридрих I Барбаросса — лидеры Западной Европы.

Танкред показал Ричарду письма от Филиппа II Французского, который официально занимал позицию примирителя и убеждал конфликтующие стороны решить проблему вдовьей доли мирным путем. На самом же деле он в какой-то момент письменно предложил Танкреду помощь против своего «побратима» Ричарда. Наверное, Ричард и сам догадывался, что французский король ведет двойную игру. Поэтому он никак не отреагировал на известие. Оба короля параллельными путями отправились на восток, и там, под стенами Акры, Филипп предал Ричарда, а тот, пробираясь домой, попал в плен.

Но пока он только двинулся в направлении Святой земли, захватив с собой овдовевшую сестру Иоанну. Когда флот приближался к берегам Кипра, началась буря. Корабль, на котором плыли Иоанна и невеста Ричарда Беренгария Наваррская, был захвачен наместником византийского императора. Узнав, что женщины оказались заложницами, Ричард за несколько часов покорил Кипр.

После этого произошла ссора с Филиппом, потому что тот напомнил «побратиму» о договоре — все завоеванные земли делить пополам. Ричард же полагал, что это касалось лишь земель, отнятых у мусульман. Кипр же был владением Византии. Понимая, как трудно управлять Кипром из Лондона, Ричард поступил по-рыцарски (и в очередной раз обидел Филиппа II): он подарил остров иерусалимскому королю, изгнанному Саладином и оставшемуся без королевства.

Недружные крестоносцы наконец покинули Сицилию, но покоя это Танкреду не принесло. Сохранялась угроза германского нашествия. Сицилийское королевство оставалось сильной политической и экономической единицей. Ничто не предвещало его скорого краха. Здесь была относительно высока централизация власти (в отличие, например, от Франции, где Филипп II в начале своего правления имел совсем мало, а многие графы, маркизы, герцоги были богаче короля).

Танкред, заняв сицилийский престол, получил в свои руки мощные рычаги управления. Продолжали действовать законы, которые были составлены в 1140 году, при предшественниках Танкреда, — сборник «Арианские ассизы». В них отразился важный принцип: Сицилия — вассал римского папы. Папа опирается на опытное, умелое норманнское войско. И поскольку бог вручил людям два меча: духовный — папе, светский — королю, в светских делах король претендует на некоторую независимость. Это, правда, не очень хорошо получается, но стремление к этому есть.

У короля Сицилии обширные личные владения. Все налоги с поместья идут королю, деньги у него есть. В руках короля высшая судебная власть, чеканка монет. Кроме того, у него все-таки побывали такие почетные гости. Все, кажется, неплохо, можно будет выстоять.

Но происходит страшное. Генрих VI из династии Гогенштауфенов (одна из самых воинственных династий в западноевропейской истории), который стал королем германским, а затем и императором Священной Римской империи германской нации, настроен на покорение Сицилии. У него серьезное войско, он ведет себя угрожающе и договаривается с римским папой. Дело в том, что папы римские иногда менялись довольно часто (папами становились люди только очень преклонных лет). Климент III, который признал Танкреда законным правителем Сицилии, ушел на тот свет в то единственное место, куда уходят римские папы. Его сменил преемник — Целестин III. Он счел невозможным сопротивляться германскому давлению с севера и признал законным правителем Сицилии не Танкреда, а Генриха VI. Это произошло в условиях плотного окружения Папской области германским войском.

Папа Целестин III 15 апреля 1191 года короновал в Риме Генриха VI и Констанцию, наследницу сицилийского престола. Получилось, что у государства два короля: Танкред на Сицилии, а Генрих VI в Риме — и тоже с сицилийской короной на голове.

Сицилия — самый большой остров в Средиземном море, но по сравнению с территориями крупных западноевропейских держав он не так

велик — и не так силен. И на нем два короля! Разве к этому стремился Танкред? Ему уже за 56. Он явно впадает в панику и решает сейчас же, немедленно короновать своего сына и наследника Рожера, юношу вполне подходящего возраста.

Но случилось невозможное. С точки зрения средневекового человека, это было проклятие. Сразу же после коронации в 1193 году молодой и здоровый Рожер слег с какой-то безнадежной непонятной болезнью — и через два месяца умер. В папском окружении говорили, что Бог покарал Танкреда за узурпацию власти. А может быть, проклят род Отвилей... Тема проклятия рода вообще была популярна в Средние века. Считалось, что Господь наказывает не самого грешника, а его детей и внуков. Не совсем понимаю, как это сочеталось с верой в Христа всеблагого и всепрощающего. А поддерживать инквизицию и пытки — разве это по-христиански? Вероятно, жестокосердие, которое проявляла католическая церковь в Западной Европе в Средние века, связано с борьбой за абсолютную власть над людьми, в том числе — над королями.

Смерть сына и мысль о проклятии убили Танкреда. Он тоже слег и через несколько месяцев умер в 1194 году. Подробности неизвестны. Сегодня мы сказали бы: стресс. Ведь произошло крушение его жизни, всего, чему он служил, чему отдавал свои незаурядные способности и в науках, и в управлении, и в дипломатии, и в военном деле. Он отдал все ради того, что в итоге потерял. Пришлось ли ему перед смертью подумать об истинных ценностях человеческого бытия? Может быть. А может быть, нет.

*Алексис-Франсуа Арто де Монтор.
Целестин III. 1842 г.*

После смерти Танкреда его вдова, Сибилла Ачерра, из знатных сицилийских дам, сразу объявила себя регентшей при малолетнем сыне: ее наследник, Вильгельм III, должен был стать королем... Но все бесполезно: осенью 1194 года Генрих VI вторгся с войском на территорию Сицилийского королевства и 25 декабря был коронован в Палермо. Сибиллу с дочерьми отправили в плен в Германию, и дальнейшая судьба их неизвестна. Предполагаемый будущий король, малолетний сын Танкреда, тоже сгинул в истории без следа. Возможно, он был убит прямо на Сицилии.

А Танкреду, перед смертью испытывавшему ужас проклятия, нет покоя и после смерти (как многим-многим, посвятившим жизнь битве за власть). Его останки по приказу Гогенштауфенов, которые стали правителями Сицилии, были выброшены из могилы и исчезли.

Власть Гогенштауфенов (или Штауфенов, как их стали называть) не принесла счастья Сицилийскому королевству. Новым правителям казалось, что теперь им будет легко покорить северную Италию — ведь через брак Генриха VI с Констанцией им уже достались Сицилия и кусочек южной материковой Италии.

Сын Генриха VI Фридрих II посвятит этому жизнь. Он 30 лет будет бороться за то, чтобы политически соединить Северную Италию с южной частью страны и Сицилией. Несколько раз он будет отлучен папой от престола. Одаренный и образованный человек, Фридрих знал несколько языков, писал стихи, но отдал все силы идее покорить Северную Италию. Он страстно желал, чтобы Священная Римская империя германской нации стала реальностью.

Ничего не получится. Власть Штауфенов закончится в XIII веке. В 1268 году они будут выброшены из Южной Италии и с Сицилии Анжуйской династией французского дома. Анжуйцы же будут вытеснены оттуда Арагонским домом, а он — Австрийским. Так будет продолжаться до 1861 года, когда во времена Гарибальди и с его участием Южная Италия и Сицилия наконец войдут в состав Итальянской республики как ее органическая часть.

Иннокентий III

МЕЖДУ БОГОМ И ГОСУДАРЯМИ

Между Богом и государями — именно так ощущал себя этот, наверное, самый знаменитый римский папа. Большинство авторов, которые о нем писали (а их много), так и оговариваются: наверное, он самый знаменитый, самый значительный, хотя у него много конкурентов — и Григорий I Великий, и Юлий II. Однако Иннокентия все как-то выделяют, потому что этот человек, живший в XIII веке, более других преуспел на своей должности, после него так далеко никто не продвигался.

Преуспел он в утверждении идеи папской теократии. Смысл этой идеи в том, что римский папа — непосредственный наместник Бога на земле, только через него осуществляется Божья воля.

Иннокентий III был невероятно гибок. Он то ссорился с государями, то мирился, умел их стравить, управлял всеми, его вассалами были виднейшие короли. Самое мрачное его деяние — Крестовый поход детей. Папа и здесь проявил гибкость. Он вроде бы сначала и не возражал против того, чтобы дети отправились на погибель. Некоторые исследователи говорят, что этот поход стал результатом перенаселения и голода. Дети погибали, их отправляли в рабство... И только в последний момент Иннокентий начал некоторых возвращать.

Вот таким он был — разным. Кто-то его даже идеализировал, как, например, Л. Ранке, классик немецкой историографии. В советских книгах

Неизвестный художник. Папа Иннокентий III.
Фреска в монастыре Сакро Спеко. 1219 г.

по истории папства Иннокентий III порой просто чудовище. Но даже здесь он предстает ярким и по-своему замечательным. Он действительно оставил в истории потрясающий след.

Иннокентий III прожил 55 лет, а папой стал в 37. Как на папском престоле оказался столь молодой человек?

Начнем с происхождения. Родился будущий папа в 1161 году, умер в 1216-м. Появился на свет под именем Лотарио Конти. По рождению он был просто знатный человек, граф Сеньи — это древний, известный в Италии род из города Ананьи в области Лацио, в самом сердце страны. Родиться недалеко от Рима — в этом будто есть некий перст судьбы.

Отец — граф Сеньи Тразимондо Конти, мать — Клариче Скотти. Но особенно важен дядя. Вообще надо сказать, в Средневековье родственные связи были более значительными, чем в Новое и Новейшее время. Это наследие древней родовой системы, римской, позже германской общины. И очень заметно в биографиях крупных политических деятелей, что дяди и тети (но особенно дяди, как правило, братья отца) играют в их жизни важную роль.

Дядя Лотарио Конти — римский папа Климент III, в миру Паоло Сколари. Именно он начал предпринимать шаги с целью укрепления авторитета папства. И при этом не забывал своего племянника. В 1189 году он возвел двадцатидевятилетнего родственника в сан кардинала. Это поразило современников. Конечно, будут времена в эпоху Возрождения, когда римские папы станут вытворять и не такое. У них будут даже незаконные дети, и это при обете безбрачия... Но это позже. А в XII столетии было еще странно видеть кардиналом совсем молодого человека; ведь кардиналы — это те, кто избирает римских пап.

Через два года, в 1191-м, Климент III умер. На смену ему пришел 85-летний кардинал Джачинто Бобоне Орсини. Вообще, пап часто старались избрать именно такого возраста, чтобы быть уверенными, что это ненадолго, ибо с папской должности, как считалось, уход возможен только в мир иной. Но папа Целестин III из рода Орсини недоброжела-

телей разочаровал: он продержался целых семь лет и скончался в 92 — к тому моменту это был самый престарелый из римских пап.

Важно, что род Орсини был враждебен роду Конти. Поэтому Целестин III первым делом удалил от папского престола молодого кардинала Лотарио. И, казалось бы, никакая карьера этому человеку отныне не светила, во всяком случае такая блистательная, которая потом у него сложилась.

Лотарио Конти отправился в Ананьи и в родных местах занялся литературным творчеством. Он был образован, для XII века даже очень неплохо. Начальное образование он получил в Риме, философско-теологическое — в Париже, юридическое — в Болонье. Болонья того времени была центром юридической мысли.

Самый знаменитый трактат Лотарио Конти назывался «О ничтожности человеческой судьбы». Потом его собственная судьба опровергнет эти рассуждения о ничтожности, но приближающаяся смерть вернет к этой мысли.

В изгнании Лотарио Конти много размышлял о том, что папство занимает исключительное положение на земле. В этой концепции у него были предшественники. Папские притязания начались в Западной Европе очень рано, в VIII веке, когда появился образ так называемого Константинова дара: император Константин будто бы подарил папам власть над всей Западной Римской империей. Лоренцо Валла, итальянский гуманист, доказал, что это фальшивка. Но притязания возникли. И Иннокентию III предстояло попытаться воплотить их в жизнь.

В IX веке появилась еще одна фальшивка — ее называют в историографии Лжеисидоровы декреталии. Это сборник церковных документов, в основном подложных. И даже автор известен — Исидор Меркатор. В них содержалась мысль о непогрешимости папы — она высказывалась еще при Карле Великом Львом III. Мысль о том, что верховная власть папы в Церкви должна быть независима от светской: он не только Церковью ведает и душами человеческими, но и никак не зависит от земных государей. Иннокентий продвинет эту идею дальше. Подложный харак-

тер Лжеисидоровых декреталий был доказан лишь в XVII веке, а до этого были поводом для серьезных размышлений.

Был у Иннокентия и духовный предшественник — Григорий VII, бывший монах Гильдебрандт. Он составил документ, утверждающий абсолютный характер папской власти. Там 27 пунктов. Отметим некоторые. «Папа вправе низлагать императоров»; «Все князья должны целовать ногу только у папы». Потом это стали переводить как «целовать башмак», но формулировка «целовать ногу» особенно впечатляет. «Никто не имеет права судить папу»; «Римская Церковь была основана самим Господом»; «Один Папа может носить императорские регалии» — и так далее.

Иннокентий III будет развивать — и в теории, и на практике — именно эти мысли. И для него, пожалуй, чрезвычайно важен 27-й пункт: «Папа может освободить подданных от присяги верности лицу, совершившему грех». То есть он не только независим от светских правителей, он может их расставлять, как фигуры на шахматной доске.

В таких размышлениях Лотарио Конти провел семь лет, оставаясь кардиналом. Казалось, и дальнейшая его жизнь будет посвящена раздумьям и литературному труду. Но однажды все изменилось. Каким образом? Молва говорит: перед смертью 92-летний Целестин III рекомендовал кардиналам избрать Лотарио Конти папой. Странно и то, что он сделал такой выбор, и то, что кардиналы последовали совету старца и единогласно избрали папой молодого человека. Это была сенсация.

Обычно конклав (процедура избрания римского папы кардиналами) занимал очень много времени. Шли бесконечные споры, плелись интриги, не удавалось добиться большинства. Но ситуация стала иной.

Политическая практика к XIII веку выдвинула на повестку дня вопрос: кто могущественнее — папы или короли? Дело в том, что XIII век — это зенит средневековой цивилизации Западной Европы. И именно в этой высшей точке достигает высот то, что мы скучно называем «процесс централизации государства»: собирание земель, сосредоточение светской власти, — и притязания пап на то, что они выше всех, стано-

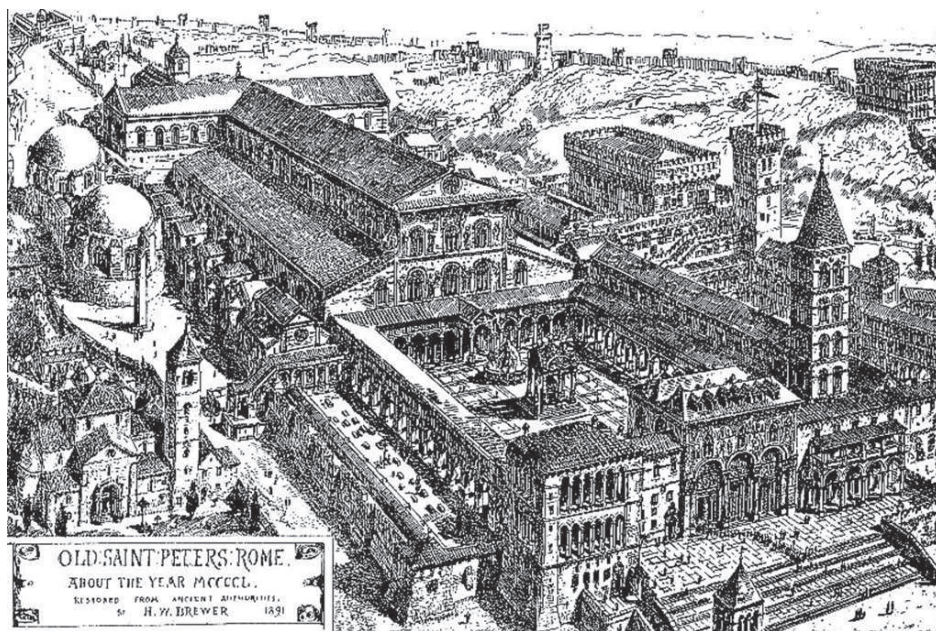
вятся этому помехой. Папство ощущало опасность со стороны крепнущей светской власти. Уже было знаменитое столкновение Григория XII и Генриха IV, германского императора, дошедшее до Каноссы, до взаимной ненависти. И чем закончилась эта длительная борьба за приоритет светской или церковной власти? Станным компромиссным Вормским конкордатом 1122 года. Фактически ничем. Вопрос не был решен. Папы не сдавались и, вероятно, чувствовали, что в борьбе за власть надо переходить в наступление.

Целестин III, старый, но мудрый (а это бывает), осознал эту проблему и некоторыми своими действиями предвосхитил то, что потом стал делать Иннокентий III, — и угадал в нем преемника. Наверное, Целестин понял, что нужен человек, чей возраст позволит успеть предпринять необходимые шаги.

Само возведение в папский сан Иннокентия III изумительно представлено у замечательного русского медиевиста В.И. Герье (это вторая половина XIX века). Он подробнейшим образом, работая с массой документов, описал эту процедуру.

Это произошло 8 января 1198 года. Сразу после избрания Иннокентий III простерся ниц перед алтарем. Затем он поднялся, кардиналы лобызали его ногу и уста. Собралась толпа, которой были брошены традиционные три пригоршни денег со словами: «Золото и серебро я не ценю. Что имею, то отдаю вам». Как лицемерно это звучало из уст римских пап, которые скопили немислимые сокровища и продолжили собирать их!

В феврале того же года, примерно через месяц после избрания, состоялась пышная церемония, как говорится, на весь Рим и на всю Европу, в древней базилике Святого Петра. Это еще, конечно, не собор, построенный Микеланджело и Браманте, а древняя традиционная базилика Святого Петра, ступени которой еще в IX веке целовал Карл Великий. При избрании Иннокентий III произносит слова о статусе папы. Он говорит в третьем лице: «Он занимает середину между Богом и человеком. Он меньше Господа, но он выше человека». Это его мощная

Гравюра XIX века, изображающая вид Базилики Святого Петра в 1450 г.

политическая программа. Затем — шествие процессии по всему городу. Папа восседает на ослепительно белом жеребце, покрытом красным чепраком, — художники эпохи Возрождения потом не раз попытаются передать эту красоту. Папа продолжает бросать деньги, раздает он их и позже, во время пиршества.

Те из светских государей, что прибыли на эту церемонию, держат стремя коня — как будто признают, что их место внизу. Толпы народа целый день, как пишет Герье, идут по развалинам языческого Рима, радуясь тому, что у них новый и (они будто предчувствуют это) очень значительный папа.

Выбирая преемника, Целестин III, видимо, принимал во внимание воззрения молодого, энергичного и образованного Лотарио Конти, писавшего: «Мы поставлены Господом над народами и царствами»; «Римская Церковь — мать и госпожа всех прочих церквей Вселенной», «Мы

занимаем на земле место Христа, и его примеру мы обязаны и хотим установить мир на земле».

Эти убеждения объясняют безумную ненависть папы Иннокентия III к еретикам, альбигойцам. Конечно, все римские папы боролись с ересью — отступлением от ортодоксальной версии католического вероучения. Но у Иннокентия III эта ненависть носила горячечный характер. Одна из мыслей альбигойцев, очень радикальных еретиков, состояла в том, что на самом деле на Земле пока правит не Христос, а дьявол. Он сумел победить в борьбе с добром и пока действует именем Христа, а Церковь обманывает людей, утверждая иное. Это противоречило идеологии Иннокентия III, объявившего, что место Христа принадлежит только ему.

Новый папа удивительно сочетал в себе литературные способности (о них говорят его письма и трактаты) и умение быть прекрасным практиком. Он начал действовать внутри папского государства. Тогда оно было не таким крошечным, как сегодня, когда это, в сущности, один Ватиканский дворец и окружающие парки. Это было действительно государство в центре Италии. Границы его все время менялись.

Внутри папского государства Иннокентий III стал действовать буквально так же, как светские правители в пределах Франции, Англии, отчасти Германии: взялся централизовать власть, реформировать управление. Целестин уже пытался сделать это, но не успел, поскольку был стар. Иннокентий создал четкую бюрократическую систему, что позволило ему в дальнейшем вмешиваться в дела практически всех европейских государств. Можно насчитать не менее 11 государей, которые признали себя его вассалами.

Бюрократия — мощный рычаг подавления, и новый папа это сразу оценил. Прежде всего он добился вассальной клятвы от префекта города Рима. Это был первый шаг, который сразу показал, как далеко он потом пойдет. Префект города Рима — это светский чиновник, что-то вроде мэра. Но он же и командующий, военный комендант. Он назначен императором — соперником папы. Для Иннокентия было очень важ-

но, чтобы человек, находящийся на светской должности, не служитель Церкви, принес ему вассальную клятву в письменной форме.

Римская аристократия — носительница традиций, восходящих к Древнему Риму, ощущающая свой аристократизм как некий панцирь, защищающий ее от простых смертных. Она многократно конфликтовала с римскими папами задолго до Иннокентия III. Например, во времена Карла Великого: Лев III был просто незаконно низложен римской аристократией в результате заговора, заточен и, по слухам, ослеплен. Поскольку он потом чудесным образом прозрел, в ослеплении есть некоторые сомнения. Но само низложение было.

Иннокентий III добился принесения всеми аристократами персональных клятв преданности — это была эпоха, когда клятвам придавалось большое значение. Их могли и нарушать — и все-таки они были важны. Иннокентий опередил светских правителей своей эпохи, доведя строжайшую централизацию до логического завершения, когда вся элита обещает ему личную преданность.

Приведение в порядок бюрократического аппарата, подчинение префекта и римской аристократии заняло у Иннокентия шесть лет. Он не сразу ринулся управлять всей Европой, разумно рассудив, что сначала надо добиться реального управления Римом.

В основе всего лежала, конечно, идеология, но деятельность папы была абсолютно рациональной. Иннокентий счастливо сочетал в себе черты идеолога и бюрократа.

На втором этапе деятельности Иннокентий III занялся собиранием земель. В эту эпоху французский король бился за возвращение из-под английской власти Нормандии и французского юго-запада. Английские правители колонизировали Уэльс. На Пиренейском полуострове светские правители боролись с маврами (арабами), продвигаясь с севера шаг за шагом. В Германии шло подчинение строптивых князей власти императора. Аналогичные процессы протекали и в Центральной Европе.

И Иннокентий делал то же самое в пределах папского государства. Он стремился к расширению его территории. Ему удалось присоединить

Романью с центром в Равенне, которая была последней столицей в финале истории Древнего Рима. Столица Древнего Рима не в Риме... Это было сделано в связи с соображениями безопасности: Равенна окружена болотами. Там укрылись последние правители Древнего Рима. И вот Иннокентий бьется за эту морально и территориально важную область, Равенну, за Ассизи, герцогство Сполето, Умбрию, за Сицилию, за Южную Италию. Он старается собрать побольше земли, а значит, богатства и людей.

Теоретически в те времена Папская область с 962 года находилась в составе Священной Римской империи, порожденной союзом папской и императорской власти. Оттон I был коронован императором Священной Римской империи. А это германские земли, часть пограничных французских земель, Центральная Европа, некоторые славянские земли. Пестрое политическое образование.

Иннокентию III положение Папской области как части империи не подходит. Стремясь подчинить себе как можно больше богатых земель, он, конечно, помышляет о том, чтобы из этого образования выйти. И потому, начав свое бесконечное вмешательство в дела западноевропейских правителей (а это составит основное содержание его жизни), он сначала займется Германией.

Напомним, что в средневековой Германии император избирался. Это было очень важно, потому что вмешаться в наследственную историю возможно только в случае развода или рождения бастардов. Если у монарха есть законные дети, вмешаться в престолонаследие нельзя. В Германии же действовала коллегия курфюрстов — коллектив из семи-девяти человек, представители высшей светской и духовной власти. Они избирали себе императора. Иннокентию III важнее всего было не подчиняться Германской империи.

В 1198 году, когда он пришел к власти, в Германии шла гражданская война. Это была отчаянная борьба верхов — между аристократическими семьями, группами, династиями. Избранный императором Филипп II Швабский сражается с представителем династии Гогенштауффе-

нов. Уже сложились партии, гвельфы и гибеллины, сторонники папы и идеи о том, что высшую власть папы надо признавать, и сторонники идеи, что императорская власть выше папской.

Иннокентий лавирует между этими конкурентами, положив в основу политики торг за владения в Италии: тот, кто пообещает больше и поддержит его в укреплении власти в Италии, тот и хорош. Он выпускает документ, согласно которому в случае, если часть курфюрстов оспаривает избрание императора, окончательное решение принадлежит папе, занимающему позицию Христа на земле.

Когда избрали Филиппа Швабского, часть курфюрстов стала оспаривать результат, и папа провозгласил себя арбитром. В 1208 году Филипп был убит и папа короновал Оттона IV Гогенштауфена. Позже Иннокентий III рассорится с Оттоном IV. Ведь что папа потребовал за поддержку? Признать его власть на итальянской территории. Оттон отказался — и был отлучен от церкви.

Поссорившись с Оттоном IV, папа коронует Фридриха II Штауфена, юного внука знаменитого Фридриха I Барбароссы. Это фигура ярчайшая. Иннокентий III был его опекуном с детства, по воле матери. Императрица Констанция попросила папу опекать мальчика, пока тот мал, защищать его. Это было оформлено юридически. И, как считают знатоки этой немецкой истории, на протяжении по крайней мере девяти лет Иннокентий III довольно добросовестно выполнял свои обязанности опекуна, поддерживал юношу. Ничто не предвещало дальнейших ужасных перипетий борьбы Фридриха II Штауфена с папством.

Иннокентий делает шаги в направлении, которое станет одним из главных, хотя не единственным в его уже разворачивающейся папской и политической деятельности. Он то отлучает, то прощает императора, он регулирует светскую власть в Германии.

Но Германией папа не ограничился. Во многих государствах Европы он начал регулировать дела в режиме ручного управления. Перечислим их: это Англия, Франция, Германия — они были первыми, далее — Леон, Португалия, Арагон, Норвегия, Венгрия, Болгария, Польша, Швеция.

*Неизвестный художник.
Агнесса Меранская. XIV в.*

Очень важно и то, что он проникает в Центральную Европу, например в Польшу. Там он боролся за моральную чистоту. Понятно, что это только лозунг. Правда, в личной жизни Иннокентий III не был таким вызывающим развратником, какими были и будут — особенно будут — многие римские папы. Идеализирующий его Л. Ранке пишет: «Он был безупречен в своей частной жизни». Насчет безупречности — это преувеличение, но дальше трогательное: «Он ничего не извлекал для себя из достоинства Церкви, даже расходы на путешествия оплачивались его личными средствами». То есть он

не отправлялся в командировки за счет папской казны. Этот папа был не стяжатель. Нельзя сказать, что он вел скромный образ жизни, он не жил в келье, церемонии были пышными, — но это во имя дела.

Папская тиара, которую архидьякон возложил на голову Иннокентия во время церемонии, была простым головным убором, покрытым золотом. Когда-то скромный символический венец теперь был украшен драгоценными камнями, а в центре светился громадный рубин. Все это папа уже получил и не отвергал, но вот на личные нужды, на разврат он богатства не расходовал. Не было еще того явления, которое получит название nepотизм, — раздачи должностей своим родственникам, продажности. По-своему Иннокентий III служит идее мрачной, грозящей европейской цивилизации, как всякий клерикализм. По сути Иннокентий учредил инквизицию, хотя юридически ее оформили уже его преемники. Он делал это искренне, считая ересь чумой души.

Иннокентий III заявлял: «Мы верим, что волею Божьей возведены из ничтожества на этот престол, с которого будем творить истинный суд

и над князьями, и даже над теми, кто выше их». А кто в средневековой Западной Европе выше князей? Конечно, прежде всего короли. С королями Иннокентий III с самого начала нахождения на папском престоле обращается как со своими подданными. Уже через год после начала своего понтификата, в 1199-м, Иннокентий начинает распоряжаться правителями Франции и Англии. Это были самые сильные в тот момент государства, и он стремился доказать, что он еще сильнее. У него не все получилось, но многое удалось.

В 1199 году Иннокентий III налагает на Францию девятимесячный интердикт — запрет проводить все основные церковные праздники, торжества и даже совершать таинства: крестить, отпевать, венчать. Жизнь замирает. Почему он это сделал? Ему не понравилось, как ведет себя французский король Филипп II — значительный правитель, получивший потом прозвание Август. Как сформулировал Иннокентий III, король не исполнял супружеский долг в отношении королевы Ингеборги Датской и позволил себе отпавить ее вон, с глаз долой. По каким-то загадочным причинам он испытывал отвращение к супруге, которую когда-то так любил невестой. Скажем сразу, она провела 20 лет в заточении — и папе не удалось никак на это повлиять. А Филипп незаконно женился на Агнессе Меранской. Папа не дал ему необходимого в Средние века разрешения на развод. Иннокентий считал своим долгом и правом наводить порядок в семейном доме французского короля и ради этого травмировать всю Францию жестоким интердиктом. Позже он отменил его в результате сложных дипломатических переговоров.

Еще больше досталось английским правителям, особенно самому несчастному, наверное, из средневековых английских королей — Иоанну Безземельному, сыну Генриха II Плантагенета и Алиеноры Аквитанской. Он их поздний ребенок — невезучий, незадачливый, неумный. С таким папой, как Иннокентий III, ему совладать было, прямо скажем, невозможно. Их конфликт произошел позже, в 1208 году. Иннокентий III и Иоанн Безземельный не сошлись в вопросе о кандидатуре архиепископа Кентерберийского — главы английской церкви. В Англии

уже был печальный опыт, когда архиепископ Кентерберийский при отце Иоанна Безземельного, Генрихе II, Фома Бекет, в 1170 году не сошелся во взглядах на политику с королем и был убит прямо в алтаре. Генриху II пришлось каяться, совершать всяческие политические действия, чтобы избежать интердикта и отлучения от церкви.

Прошло 38 лет, и в 1208 году папа Иннокентий III приказал английскому королю назначить архиепископом Стивена Лэнгтона, своего одноклассника, человека, разделявшего его взгляды, ректора Парижского университета. Иоанн Безземельный позволил себе ужасающую дерзость: приказал не впускать Лэнгтона в Англию. Сегодня мы сказали бы: не дал визу на въезд. Это громадный скандал. Иоанн назвал другую кандидатуру — Джон де Грей.

Иннокентий не может отступить. Он наложил на Англию тот же самый интердикт. Но Иоанн, в отличие от очень осторожного Филиппа II, который, зная, что народ будет недоволен, сразу начал всякие маневры по поводу интердикта, повел себя неумно. Разъяренный упорством папы, он захватил церковные земли и начал собирать доходы церкви в королевскую казну.

В конце 1209 года Иннокентий отлучил короля Англии Иоанна Безземельного от церкви, а в 1212-м объявил низложенным от имени Бога. Ту политику, которую папа провозглашал теоретически, он теперь проводит практически в жизнь. Это создало для английского короля очень сложную ситуацию. А Иннокентий действовал в духе 12 пункта «Диктатуса Папы»: «Папа имеет право смещать светских государей».

Сразу оживились давнишние непримиримые политические и военные противники Англии — французы. Филипп II заявил, что готов помочь — высадиться в Англии и теоретически низложенного английского короля низложить реально. Возникла угроза французской интервенции. Папа был в этой ситуации дирижером европейского политического оркестра.

В конце концов Иоанн Безземельный перед лицом возможной французской интервенции вынужден был капитулировать. Он раскаялся,

и в 1213 году с него было снято отлучение. Но этого папе показалось мало — через несколько месяцев, в октябре 1213-го, Иоанн признал себя вассалом Иннокентия III, принес ему вассальную клятву, согласно которой Англия сделалась леном, то есть вассальным владением, а сеньором над английским королем стал Иннокентий III. Это, конечно, потрясло Англию. К тому же это стоило денег. Как всякий вассал, Иоанн должен был платить своему сюзерену. Была установлена сумма — 1000 марок в год, очень много для королевской казны. Это была полная капитуляция светского правителя перед папой.

Напомним еще раз, что вассалами Иннокентия III стали также король Арагона и король Португалии. Он вмешивался в борьбу за трон венгерских королей, в династические и политические проблемы в Северной Европе.

В те же годы Иннокентий встретился с великим мыслителем Франциском Ассизским. Одно из направлений деятельности папы — поддерживать все чистое, благородное, святое в католической церкви. В 1209 или 1210 году к Иннокентию явился подлинный святой — Франциск Ассизский, со своими двенадцатью учениками. Он обратился к папе с просьбой поддержать идею создания ордена, восстанавливающего истинное христианство, подлинную чистоту вероучения.

Иннокентий III встретил Франциска неласково. Всякий человек, пришедший с собственными идеями, вызывал у него тревогу. У него самого были ясные представления о том, как все должно быть устроено. И вдруг кто-то хочет создать орден духовной чистоты! Его поразило и то, как выглядел Франциск, принявший аскезу, отрешившийся от всего земного. Это был нестриженный, неопрятный человек. Иннокентий сказал: «Слушай, тебе лучше пойти управлять свиньями, судя по тому, как ты выглядишь, и валяться среди свиней». Но он не понимал, что такое Франциск Ассизский, не понимал, что это подлинная святость. Тот пошел и вернулся через короткое время в еще более ужасном виде, сказав: «Ты повелел — я выполнил, я побыл среди свиней. А теперь и ты

услышь мою просьбу». Вот оно, христианское смирение. Франциск ошеломил Иннокентия.

Папа был умен. Понимая, что об этом будут писать все современники, он сейчас же показал, что устыдился, сказал, что одобряет создание ордена, но, как настоящий политик, пока отложил утверждение устава. Иннокентий сознавал, что подобная чистота недостижима для реальной католической Церкви. И, как положено в бюрократической системе (а он был блестящим бюрократом), сказал: «Мы подумаем, отложим пока утверждение устава». Политик есть политик.

Теократические устремления Иннокентия, которые подготовили его предшественники и продолжают его преемники, привели к одному из самых знаменательных событий в западноевропейской истории — знаменитому Четвертому крестовому походу. Как Иннокентию с его позицией человека, который всех учит, точно знает, что правильно, куда следует идти и что делать, было не попытаться прославиться под знаменем Крестовых походов? Крестоносец — это звучало гордо!

Подготовку к Четвертому крестовому походу начали в 1199 году. Удивляюсь, что авторы, которые об этом пишут, мало обращают внимания на то, что это был год столетия падения Иерусалима в результате Первого крестового похода. Не отметить такое событие Иннокентий не мог. Иерусалим пал в 1099-м, 15 июля, в пятницу. Как считалось, в пятницу, в это же время, в 15 часов, совершилось распятие Иисуса Христа.

Иннокентий провозглашает очередной крестовый поход. Собираются крестоносные силы. Современники часто не понимают, что, в сущности, это движение уже обречено. Окончательный крах его произойдет именно во время Четвертого крестового похода.

Произошло нечто чудовищное. Знаменитый венецианский дож, правитель Венеции, лидер тогдашней торговли, финансовой деятельности, западноевропейского флота, Энрико Дандоло переориентировал крестоносцев. Они намеревались переправляться в Святые земли на венецианских кораблях, что им было обещано. Но Дандоло предложил плыть сначала в Константинополь. Константинополь был главным со-

перником Венеции в торговле. Но это христианский город! Иннокентий был, конечно, ошеломлен.

Большинство историков отмечают, что Иннокентий был искренне предан своим идеям. Он был убежден, что под эгидой пап западноевропейские люди будут гораздо счастливее, чем теперь. Можно представить, что с ним случилось, когда выяснилось, что крестоносцы договорились с Дандоло сначала высадиться на берегах

Босфора и нанести удар Восточной Церкви. Внешне Иннокентий сразу отрекся от этого безобразия, от этого позора. Он наложил интердикт на Энрико Дандоло. Венецианский дож презрел этот интердикт, совершенно не обеспокоился. А у крестоносцев, конечно, появились алчные мысли. Они двинулись сначала в Далмацию, разграбили подвластный Венгрии христианский город Задар, в 1202 году начали грабить Константинополь, а в 1204-м он был взят окончательно. Никогда уже после апреля 1204 года город не был прежним. На его развалинах возникла так называемая Латинская империя, которая существовала, постепенно угасая, до 1261 года. Константинополь больше не был блистательным соперником Западной церкви, цветущим городом, золотым мостом между Востоком и Западом, которым он был со времен императора Константина. Четвертый крестовый поход подорвал авторитет крестоносного движения. Христиане уничтожили христианский центр Восточной Церкви.

Конная печать Раймунда VI Тулузского. XIII в.

Было в жизни Иннокентия III и еще одно позорное деяние. В 1212 году произошло то, что называют Крестовым походом детей.

Чистое безумие! На Восток отправились дети. Считалось, что перед чистыми душами рухнут все мусульманские препоны. В одной из хроник говорится: «В том же году неисчислимое множество паломников, бедных людей обоего пола и детей из Тевтонии и других стран, побуждаемых тремя отроками двенадцатилетнего возраста, приняли знак креста в области Кёльна и говорили, что им было видение...». Все участники похода погибли. Только в конце этого безумного предприятия Иннокентий успел подправить свою репутацию. Часть детей, которые умирали от голода и болезней, попадали в плен к пиратам и оказывались проданы в рабство, Иннокентий успел остановить и вернуть в Европу. Как гибчайший политик, он старался приостановить, сгладить все, что было опасно для его репутации.

Вокруг Крестовых походов XIII века идут споры. Иннокентий III не был их главным вдохновителем. Многие современные авторы — думаю, небезосновательно — говорят, что, в сущности, это было проявление неблагополучия, страшного голода в тогдашней Европе. Один из хронистов пишет: «Голод доходил до того в отдельных областях, что матери поедали своих детей». Перенаселенность — проблема, которая требовала разрешения. И крестовые походы были ее следствием.

Еще одно его деяние, которое логично вытекает из всей жизни папы Иннокентия III, — организация в 1209–1229 годах крестовых походов против альбигойцев на юге Франции, в Лангедоке. Опять христиане против христиан... Последний оплот альбигойцев Монсегюр держался до 40-х годов XIII века, когда Иннокентия давно уже не было на свете.

Можно сказать, что французский Юг — особая страна, глубоко романизованная, более культурная с римского времени, чем Северная Франция. Еще римские авторы называли некоторые города Лангедока Афинами Галлии. Там было велико римское наследие. Сказывалось и арабское культурное влияние. Лангедок (центр — Тулуза, теперь это Тулузское графство) даже говорит на особом языке — ланг д'ок, а северный диалект во Франции называют ланг д'ойль. Это два языка, говоря-

щие «ойль» и «ок», то есть использующие разные окончания. А когда есть отдельный язык, есть и особая культура. Ланг д'ок — это поэзия трубадуров, которые всегда не совсем в ладах с догматами Церкви. В этой культуре слишком много, как мы сегодня скажем, секса. Это любовь, и любовь отнюдь не всегда чисто духовная. А еще южная часть Франции — это разбогатевшие независимые города. Важно, что именно в Лангедоке было максимальное количество городов-коммун, которые в борьбе с королевской властью добились реального внутреннего самоуправления. Там были консулы (римское название), собрания, советы, ополчение. Они стали вести себя как государство в государстве, к тому же более богатое, чем северяне. И одной из форм противоречий Севера и Юга было расхождение на почве религиозной.

Южане возмущались недостаточно чистыми нравами северян и жителей ортодоксальной церкви. Например, есть поэма XIII века о развороте церковников (она написана на юге): «Все пропало и смешалось, когда наедут кардиналы, всегда алчные, ищущие добычи. Они приносят с собой симонию (торговлю должностями), показывая пример нечестивой жизни, как бы неразумные, без веры, без религии, они продают Бога и его Матерь». А в хронике конца XII века говорилось: «Монахи покидают свое прежнее платье и ходят по улицам одетыми по новой моде. Мясо они едят, когда хотят. Епископы же требуют от приходов большие взятки, а места продают тоже за взятки». Это то, что людей возмущает, задевает их сердце, душу, совесть в любые времена.

И вот в Лангедоке, вольнолюбивом, практически свободном, сосредоточилось недовольство снижением нравственного градуса и чистоты. Небольшой город Альби сделался центром нонконформизма, как мы скажем сегодня. Название «альбигойцы» получили те, кто предлагал реформировать Церковь. Это предшественники Реформации, те, кто говорил, что надо вернуться к христианской чистоте. Потом альбигойцами стали называть и других еретиков.

Почему Иннокентий организует борьбу с ними, хотя они выступают за чистоту веры? Потому что у них все громче звучит такая мысль: Цер-

ковь учит нас, что наша земная жизнь есть воплощение Божьего промысла, — не может быть, всеблагой Бог не мог создать столь ужасный мир. Это козни Люцифера. Борьба светлого и темного начал продолжается, и Люцифер строит свои козни. Но это же страшно! Получается, церковь как бы не видит козней дьявола и обманывает людей. Вот почему Иннокентий не мог не принять участия в подготовке борьбы против альбигойцев.

Он объявил, что те, кто захочет идти воевать против гнезда ереси на юг Франции, — крестоносцы. А статус крестоносца — это защита твоего имущества, освобождение от налогов, это красиво, благородно. И северофранцузские рыцари стали с удовольствием готовиться к крестовому походу.

Прославился покровитель катаров, граф Тулузский Раймунд VI. Он попробовал покаяться и этим остановить движение крестоносцев — не получилось. Они двинулись на юг, самым страшным образом разграбили богатейшие южнофранцузские города. Начали с Безансона и потом сами сожалели, что сожгли его дотла. Они уничтожили собственную добычу! Поэтому при разграблении Каркассона они уже были более аккуратны и договорились, что не будут полностью изничтожать город, если кто-то сдастся. Деяние духовное не было лишено материального начала. Иннокентий вдохновил этот поход, но не дожил до его завершения, до победы.

Вершиной его жизни был знаменитый Четвертый Латеранский собор, состоявшийся в 1215 году. 500 епископов, 800 аббатов, патриархи Иерусалимский и Константинопольский. Принято 70 канонов — постановлений о борьбе с еретиками. Это, в общем-то, парад мракобесия, который очень поддержал развитие в Западной Европе печально знаменитой инквизиции.

Кстати, именно Иннокентий III придумал гетто. Лично его заслуга состоит в том, что он предложил евреям, то есть сторонникам иной веры, иудеям, жить в специальных районах, отличаться от остальных.

Был ли он счастлив? Ведь он многого достиг, перед ним каялись короли, он вмешивался в их семейную жизнь, громил еретиков, вдохновил крестовый поход...

Однако его конец был ужасен. Он умер своей смертью в Перудже 16 июля 1216 года, в одной из деловых поездок. Проповедник Яков Витрийский описывает, что он увидел: «Я отправился в город Перуджу, в котором нашел папу Иннокентия мертвым, но еще не погребенным. Какие-то люди ночью растащили воровским образом драгоценные одежды, в которых его надлежало похоронить. Тело же его, почти нагое и уже начинавшее испускать запах тления, они оставили лежать в церкви. Я все же вошел в храм и собственными глазами увидел, насколько коротка и тщетна обманчивая слава мира сего».

Не один Иннокентий III после смерти подвергся подобному надругательству. Это была тенденция. Может быть, простой грабеж. Но не исключено также, что так выразался протест, реализовалось стремление людей сказать тому, кто поднялся значительно выше их: ты вообразил себя правителем мира — и вот ты лежишь мертвый и нагой.

Франциск Ассизский

ПРОПОВЕДНИК ДОБРА И МИРА

В светской литературе Франциска Ассизского сухо называют «итальянский религиозный деятель конца XII — начала XIII века, основатель Ордена францисканцев». В церковной традиции он — «носитель братского призыва ко всем людям доброй воли». А ведь проповедь добра и мира действительно близка людям всех эпох, всех рас и конфессий. Академик Д.С. Лихачев размышлял о типологическом соответствии Франциска Ассизского и русского святого Сергия Радонежского (статью об этом можно найти в № 1 журнала «Наука и религия» за 1992 год).

Вообще, Франциск Ассизский — самый популярный неправославный святой в восточной части христианской церкви. Его образ вдохновлял В.В. Вересаева, М.А. Волошина, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака, В.И. Иванова. Религиозный философ П.А. Флоренский писал: «Образы Франциска Ассизского, Серафима Саровского или Амвросия Оптинского достаточно намекают, что такое человек высшего типа, что такое “Ангел во плоти”».

Франциску посвящена многочисленная научная литература. Очень интересна книга русского медиевиста В. И. Герье «Франциск. Апостол нищеты и любви» (она написана в 1908 году и неоднократно переиздавалась). Много работ посвятил Франциску, комментировал припи-

*Джотто. Франциск Ассизский отказывается от имущества.
Фреска в церкви Сан-Франческо в Ассизи. 1295 г.*

сываемые ему труды и его жития историк В.Л. Задворный. Стоит обратить внимание и на сборник «Подвижники: Избранные жизнеописания и труды», изданный в Самаре в 1998 году, и на статью К.Г. Исупова «Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры» в журнале «Вопросы литературы» (№ 6 2006 года).

Историкам доступен богатейший материал. Есть биографический труд, приписываемый самому святому, — «Цветочки Франциска Ассизского». Да и жития Франциска начали писать еще при его жизни. Его личность была необыкновенной для эпохи Средневековья. Хотя он и стал основателем одного из духовно-рыцарских орденов, сам он никогда ни с кем не боролся (разве что с самим собой, считая себя великим грешником) и никакого насилия не признавал. Он просто жил и мыслил — но так, что много веков человечество не может этого забыть.

Годы жизни Франциска — 1181 (или 1182) — 1226. Зенит западноевропейского Средневековья. Уже складывались основы национальных государств во Франции и Англии. Времена Людовика VIII и Людовика IX Святого во Франции и Эдуарда I в Англии. Разгар крестовых походов и начало кризиса крестоносного движения.

В Италии в этот период единого государства еще не было. Там сложилась система разобщенных городов-государств, маленьких, но самостоятельных. Очень сильна была папская власть, причем не только на Апеннинском полуострове, но и за его пределами. Иннокентий III, с которым Франциск лично встречался, — это символ пика папской власти в Западной Европе.

В самом центре Апеннинского полуострова есть гористая область Умбрия. Она находится примерно на одинаковом, большом для Италии, расстоянии от Флоренции и от Рима. Город Ассизи не самый крупный в Умбрии (меньше Перуджи), но заметный.

Там в семье зажиточного купца, торговца сукном Пьетро Бернардоне родился сын Франциск. Отец происходил, видимо, из крестьян, был человеком грубоватым и жадным. Мать, Пика, происходила из французского Прованса, вроде бы из знатного рода.

Когда мальчик появился на свет, отец был в отъезде, на юге Франции, по торговым делам. Мать назвала младенца Иоанн, или Джованни на итальянский лад. Когда муж вернулся, он заявил, что имя ему не нравится. «Иоанн Креститель, — припомнил он, — это тот, который был одет в шкуру верблюда? Нет, я хочу, чтобы мой сын был элегантным французом». И дал ребенку имя Франциск, созвучное слову *francese* — «француз». То есть имя звучало в то же время и как прозвище.

Отец представлял себе сына энергичным и жизнерадостным — на французский лад. И сначала казалось, что мальчик растет именно таким. У Франциска рано обнаружились несомненные лидерские качества. Друзья, с которыми он проводил много времени, называли его Царь Пиров.

До 14 лет он прилежно учился в школе. Затем отец счел, что образования ему достаточно. В Средние века 14-летний юноша считался взрослым. Рыцарь в этом возрасте уже воевал, а купец — торговал. Но Франциск избрал для себя не торговое, а как раз военное поприще. Может быть, на него повлияла героическая рыцарская поэзия, такая как, например, «Песнь о Роланде».

В 1197 году умер император Священной Римской империи Генрих VI из династии Штауфенов, сын Фридриха I Барбароссы. Как и его предшественники, он стремился подчинить себе итальянские земли. Но чем жестче была рука германского императора, тем отчаяннее боролись за независимость итальянские города.

Едва Генрих VI скончался, в Италии началась очередная смута. В Ассизи поднялось восстание против местного сеньора — герцога Сполетанского, который был вассалом германского императора. В ходе восстания позиции дворян и простолюдинов — ремесленников и купцов — разошлись. Дворяне Ассизи обратились к более крупной Перудже за помощью против собственного простого люда.

Между Ассизи и Перуджей началась война. Юный Франциск принял в ней участие. Войско Ассизи было разбито. Франциск оказался в плену. Он жил в Перудже с 1199-го по 1202-й годы.

Известен характерный эпизод. Возникло подозрение, что один из пленных — предатель, из-за которого был захвачен отступавший отряд. Никто не разговаривал с этим человеком, хотя не было никаких доказательств его вины. А Франциск за него заступился. Он всегда был на стороне обиженного.

В плену Франциск много общался с рыцарями. Наверное, они окончательно убедили его, что его призвание — война. Поэтому, вернувшись, он недолго пробыл дома. В это время некий рыцарь, известный в тех краях кондотьер — предводитель наемной дружины — граф Вальтер Бриенский, набирал отряд, чтобы отправиться воевать в Апулию. Франциск Бернардоне к нему присоединился. Но с половины пути возвратился домой и полностью изменил свою жизнь.

Трудно объяснить, что случилось с веселым, общительным, в целом благополучным юношей, увлеченным идеями рыцарства, что превратило его в страстно верующего подвижника. По легенде, ему приснился вещий сон. Сначала он увидел оружие и счел это знаком того, что правильно сделал, пойдя на войну. Но потом раздался голос, который сказал: «Ты неверно понял, это не то сражение! Есть другие, более высокие битвы». Так или иначе, произошло то, что на латыни принято называть *illuminatio* — озарение. В Средние века это было хотя и не массовым, но известным явлением.

Дома 20-летний Франциск пребывал в глубочайшей задумчивости. Товарищи спрашивали его, что случилось, подозревали, что он заболел (а он и правда после плена долго страдал сильным кашлем) или влюблен. На вопрос о том, не собирается ли он жениться, Франциск, улыбувшись, радостно ответил: «Да, верно! Я задумал взять невесту более благородную, богатую и красивую, чем вы когда-либо видели». Сегодня мы знаем, что он имел в виду Ниццету. Он решил отдаться ей, чтобы обогатить свой дух.

В Ассизи, в храме, посвященном Франциску, есть изумительная фреска Джотто, на которой изображен момент обручения с Бедностью. Молодую красивую женщину с исхудавшим измученным лицом, в ра-

Умбрия. Гора Ветторе

зорванном платье, все отвергают: на нее лает собака, мальчишка замахнулся палкой, другие бросают камни — и только Франциск протягивает ей руку, а Христос благословляет их с небес.

В душе Франциска совершился переворот. Внешне его жизнь оставалась прежней. Отец давал ему поручения, связанные с торговлей, и он их выполнял. Но однажды, вернувшись из очередной поездки, он объявил, что отказывается от всего. И ушел из родительского дома. Отец понятия не имел, где поселился Франциск. Знала мать — и отправляла старого слугу отнести еду в пещеру, где ночевал ее сын. Юноша постепенно удалялся от обычной человеческой жизни.

Отец, не понимая, что происходит, пробовал устраивать скандалы, даже подал на сына в суд, потому что тот раздал деньги, вырученные от продажи ткани. Разбирательство происходило у ассизского епископа Гвидоне, который был на стороне Франциска и потом до конца жизни оставался ему опорой.

Выслушав обвинения, Франциск ответил, что прежде считал этого человека своим отцом. Но теперь понял, что это не так. «Отец наш, — сказал он, — на небесах». А Пьетро пусть возьмет не только деньги, которые так его беспокоят, пусть берет и одежду, которую он покупал, оплачивал, — вот она. С этими словами Франциск разделся и сложил одежду перед епископом. Гвидоне, растроганный, прикрыл его своим плащом.

Новая жизнь, которую выбрал Франциск, была полна трагизма. Он считал себя грешником и всю жизнь вымаливал у Бога прощение. Мучительно трудно было заставить себя просить подавание. А он решил жить только милостыней и молитвой.

Франциск побывал в Риме, совершил паломничество к гробнице Святого Петра. И потом осуждал себя за действие, которое счел проявлением гордыни. Его рассердило, что у могилы Святого Петра мало подавания, и он бросил горсть тех монет, что подали ему самому, в окошко под алтарем. Когда же осознал, что это грех, решил себя наказать. Выйдя из собора, он выбрал самого страшного, в лохмотьях, нищего и попросил поменяться с ним одеждой. Было невыносимо натягивать на себя грязное тряпье, но он, вчерашний «блестящий юноша», это сделал.

Шаг за шагом Франциск заставлял себя поступать так, чтобы приближаться к чистоте жизни духовной, возвышающейся над всем земным. Поскольку родной отец, встречая его на улицах Ассизи, начинал кричать и браниться, он избрал себе другого земного, названного отца — из числа нищих. Ведь глубоко верующему человеку нельзя жить без отцовского благословения.

Однажды, встретив прокаженного, Франциск сначала шатнулся от него — и опять сурово себя осудил, заставил себя поцеловать больного, прикоснуться к его руке. На окраине Ассизи был лепрозорий «Сан Сальваторе», и Франциск отныне постоянно приходил туда, чтобы перевязывать раны несчастных.

Надо сказать, что Церковь призывала верующих поддерживать прокаженных, оказывать им помощь и даже создала специальный Ор-

ден Святого Лазаря, но очень мало кто был способен откликнуться на призыв. Известны лишь отдельные подобные факты. Так, папа Григорий Великий написал историю монаха Мартирия, который встретился с прокаженным, не способным дальше идти, поднял его, донес до его убежища, после чего больной на его глазах принял образ Иисуса Христа, благословил праведника и снова вознесся на небо. Подобные эпизоды есть также в житиях святого Юлиана Милостивого, святого папы Льва IX и некоторых других. Из проповедей Франциск знал, что встречаются люди, способные подняться до такой духовной высоты. И стремился это сделать.

Одно из его важных деяний — он занялся, можно сказать, восстановлением архитектурных памятников. Увидев, в каком ужасном состоянии находится небольшая церковь Святого Дамиана в Ассизи, Франциск начал сам таскать камни, чтобы привести здание в порядок. Конечно, нашлись люди, которые к нему присоединились, и храм был спасен.

Следующей стала часовня Девы Марии Ангельской, которая называется по-итальянски Порционкула — «маленькая порция, небольшой участок». Она сделалась главным местом его обитания. Точнее — возле нее он поставил свой шалаш. Со временем вся Италия знала, что именно там живет святой Франциск. Святым его стали называть при жизни.

Франциск был против мрачного отшельничества. Он считал, что необходимо идти к людям и рассказывать им об истинной вере и доброте. По его словам, жалость и сострадание надо нести с радостью и весельем. И разумеется, нельзя иметь никакой собственности. Он утверждал: «Если бы у нас была собственность, нам было бы нужно оружие для нашей защиты, ибо в ней источник раздоров и тяжб, и она обычно препятствует любви к Богу и к ближнему. Вот почему мы не желаем иметь собственность». Это убеждение принципиально отличало учение Франциска от идеологии официальной церкви и духовно-рыцарских орденов, возникших в результате крестовых походов.

К Франциску начали приходиться люди, в том числе и состоятельные, жертвовавшие все свое имущество бедным. Вот как описывается отно-

Стефано ди Джованни Сассетта. Обручение Святого Франциска с Госпожой Бедностью. Икона. XV в.

шение к нему в одном из житий, созданных при его жизни: «Прибегают мужчины, прибегают женщины, торопятся клирики, стремятся верующие с целью увидеть и услышать Божьего святого. И в самом деле, с тех пор как явился святой Франциск и заговорил, небо, казалось, изливало на землю новый свет».

Он был еще очень молодым человеком. Но вокруг него уже создалась община. В 1209 или 1210 году он вместе с 12 учениками отправился к римскому папе, чтобы просить его утвердить создание нового духовного ордена и его устав. Перед началом путешествия Франциск сказал: «Я не буду предводительствовать этой группой, давайте изберем, кто будет первым». Он понимал, что стать во главе 12 учеников — подражание Христу, а значит, гордыня. И главой отряда избрали некоего Бернарда.

Папа Иннокентий III — полная противоположность Франциску, человек, всегда хотевший власти, везде и над всеми. Именно при нем папу стали называть наместником Бога на земле (до этого он был апостолом Святого Петра, римским епископом). Опираясь на «Папский диктат» Григория VII, Иннокентий добивался такого могущества, при котором папы могут смещать государей. У него были в прямой вассальной зависимости короли Англии, Арагона, Португалии, Болгарии. Он содействовал тому, чтобы Четвертый крестовый поход в 1204 году изменил маршрут и крестоносцы направили удар против Константинополя, то есть против восточной христианской церкви. Это он, Иннокентий III, положил начало инквизиции в Западной Европе, а в 1209 году стал инициатором крестового похода против альбигойцев — еретиков-сектантов на юге Франции.

И к этому могущественному человеку явился Франциск, никогда не имевший никакой власти и сурово осуждавший гордыню. Когда Иннокентий III увидел его, одетого в плащ, завязанный грубой веревкой, обросшего, грязного, он воскликнул: «Да тебе лучше к свиньям, отправляйся, ты им больше подойдешь. Валяйся среди них, будешь там как раз». Реакция Франциска оказалась поразительной. Он сказал: «Хорошо», — пошел и повалялся со свиньями. А вернувшись, обратился

к папе: «Я исполнил твою волю, теперь услышь и ты, пожалуйста, мою мольбу». Как пишут церковные авторы, папа устыдился. И одобрил создание ордена францисканцев.

Наверное, он вспомнил, что не так давно, при его предшественнике, к папскому престолу так же припадали «лионские бедняки» во главе с Петром Вальдом и просили дать им разрешение проповедовать. Им резко отказали — и они превратились в жестоких противников Церкви. Теперь ересь на юге Франции истреблялась уже огнем и мечом. И хотя Франциск вряд ли мог превратиться в противника Церкви, папа предпочел не повторять прошлых ошибок. Проще разрешить, чем ожесточить — такова, вероятно, была его логика.

В тот период возникали различные духовные ордена. Например, орден доминиканцев был создан с целью защиты Церкви. Францисканцы же не допускали никакого насилия. Довольно скоро возник и женский орден францисканцев. Его организовала некая святая Клара, женщина из богатой среды, которая поверила Франциску и тоже отрешилась от земной жизни. По преданию, Франциск сам отрезал ей косу в алтаре. Члены женского ордена именовались клариссами. Они вели иной, более замкнутый образ жизни, чем мужчины-францисканцы, не выступали с проповедями. Но идеалы у них были те же: бедность, доброта, сочувствие к неимущим.

Община росла, но Франциск не был доволен жизнью. В возрасте около 40 лет его стало терзать стремление к личному духовному подвигу. Местом такого великого деяния должна была стать Святая Земля. Это было время совершенно безрезультатного Пятого крестового похода. Для Франциска был неприемлем меч крестоносцев. Перед битвой под Дамьетой он предупредил рыцарей: «Вы не победите». Его, конечно, никто не послушал. И сражение было проиграно.

Франциск надеялся словом обратить в истинную веру арабского султана аль-Малика аль-Камила Назира ад-Дина из династии Айюбидов. В 1219 году он отправился в Египет и проник в лагерь султана, почему-то не тронутый стражей. Как ни странно, султан его принял и вы-

слушал. Рассказы об этой встрече живо напоминают античные предания о разговоре лидийского царя Креза и греческого мудреца Солона. Франциск уговаривал султана принять христианство во имя мира. Предлагал даже: «Давай я взойду на костер, и, если я останусь жив, ты примешь истинную веру». Султан такой проверки не захотел, сменить веру отказался, но дал Франциску фирман — документ с собственноручной подписью для беспошленного посещения христианских святынь. И Франциск, действительно, побывал в Иерусалиме, в храме Гроба Господня.

Согласно преданию, Франциск обещал султану, что перед смертью к тому придут два посланца. Считается, что султан ждал их и, когда он умирал, они действительно появились. И в миг последнего своего вздоха султан увидел истинного Бога. Это, конечно, легенда, но какая трогательная!

На обратном пути, уже в Италии, Франциск узнал, что в ордене цариц беспорядок. Это неудивительно: организация надолго осталась без лидера. Тем более что Франциск поручил руководство двоим — брату Петру и брату Илье, и между ними начались расхождения. Не все члены ордена были согласны с полным отказом от собственности. Некоторые братья, например, хотели иметь не один кафтан — в соответствии с уставом — а хотя бы два.

Добравшись до Болоньи, Франциск узнал, что у местных францисканцев появился свой дом. Это глубоко его возмутило. Он забрался на крышу и стал сбрасывать черепицу, как бы собираясь снести этот дом своими слабыми руками. Власти остановили Франциска, потому что дом принадлежал городу.

В последние годы Франциск жил так, как считал правильным, делая все, чтобы Бог простил ему прошлые прегрешения. Известны многочисленные истории о его безграничной доброте. Как-то раз ему принесли раненого зайчика, попавшего в капкан. Франциск хлопотал над ним, приговаривая: «Что ж ты, мой бедненький, зачем же ты так неосторожно себя вел?» Рыбаки хотели подарить ему только что выловленную большую красивую рыбу — он сейчас же отправил ее обратно в водоем.

После дождя он собирал выползших на дорогу червей и относил в траву, чтобы они не погибли.

А когда на окраине Ассизи поселился старый волк и очень пугал местных жителей, Франциск пошел с ним... поговорить. Объяснил, что не надо есть людей. «Но только ты мне обещаешь, — сказал святой волку, — и я с людьми договорюсь, они тебя будут кормить». Он увидел, что у волка внимательный понимающий взгляд. Как трогательно пишут рассказчики, волк протянул ему лапу. После этого «лапопожатия» люди два года кормили волка, очень к нему привыкли, полюбили его и горевали, когда он умер от старости. Вполне закономерно, что в XX веке папа римский Иоанн Павел II объявил Франциска Ассизского покровителем экологии.

Перед смертью Франциск, которому было всего 45 или 46 лет, тяжело болел. И с ним случилось то чудо, о котором он мечтал: у него появились на теле стигматы — следы мук Христовых. Осознав это, он возрадовался и умер счастливым.

Иоанн XXII

РИМСКИЙ ПАПА ВНЕ РИМА

Римских пап было много, но этот — уникален. Во-первых, он довольно долго, наверное дольше всех, был на папском престоле — целых 18 лет. Во-вторых, папой он стал в поздние годы и дожил до девяноста лет. В-третьих, избран он был самым оригинальным способом, какой только можно себе представить... но не будем опережать события.

Иоанн XXII — папа так называемого авиньонского периода, который длился 70 лет. Римские папы на протяжении этого времени пребывали не в Риме, что звучит парадоксально, а в южнофранцузском городе Авиньоне. Еще заметим, что Иоанн XXII фигурирует в художественной литературе высокого уровня: у Мориса Дрюона, Умберто Эко — они не обошли вниманием эту колоритную фигуру. В художественную литературу Иоанн XXII попадает уже зрелым человеком. Но как он начинал?

Он родился в 1244 году, хотя в этой дате есть сомнения. И все-таки, по всем подсчетам, получается скорее 1244 год, чем 1249-й. В 1316 году он стал папой в возрасте 72 лет, а скончался в 1334-м. Таким образом, его жизнь пришлось на рубеж XIII–XIV веков. XIII век — зенит Средневековья, XIV — начало осени. И события, связанные с жизнью Иоанна XXII, все это отражают.

Анри Серрюр. Портрет папы Иоанна XXII. Около XIX в.

Происхождение у него самое поразительное: он сын сапожника Арно Дюэза из Каора. Больше мы ничего не знаем о его семье. И вроде бы стоило бы удивиться: как же так — сын сапожника — и окажется на папском престоле? Путь начался с тяги к знаниям. Юноша отправился в доминиканский монастырь. Так делали многие отроки из бедных семей, потому что это был путь к образованию.

Доминиканцы, Псы Господни, ретивые охранители самой строгой католической ортодоксии, при этом бесплатно давали в своих монастырских школах очень хорошее образование. И много-много еретиков вышло из стен доминиканских школ, например Томмазо Кампанелла в XVI веке.

Сын сапожника мог пробиться наверх только через образование. После монастырской школы он изучал богословие и право, самые популярные тогда предметы для человека, который хочет чего-то достичь, в Монпелье и в Париже. Уже в XIII веке это были заметные центры просвещения в Западной Европе.

Со временем молодой человек попытался облагородить свое имя и стал писать его через апостроф — не Дюэз, а д'Юэз или даже д'Оз — оба варианта мы можем встретить в литературе. Преподавал богословие в Тулузе и Кагоре. Прошел типичный путь интеллигентного человека, вышедшего из низов. Как правило, эти люди бывают очень цепки, жадны до власти и денег, что со временем блестяще продемонстрирует и Иоанн XXII.

Но как же все-таки он попадает на папский престол? Дюэзу было около 50 лет — глубокая старость в эпоху средневековья, когда средний возраст зрелого западноевропейца — около 30 лет. А для него все только начиналось. Окрылитесь, люди среднего возраста!

Около 1300 года Дюэз был рекомендован правителем Неаполитанского королевства на юге Италии Карлом II на должность епископа Фрежюса. Надо сказать, что Неаполитанское королевство, как большинство государственных образований Италии того времени, было недавним и довольно зыбким. Оно создано в конце XIII века, отделившись от королевства, объединявшего юг Италии и Сицилию. Неапо-

литанское королевство находилось под управлением Анжуйской династии — это побочная ветвь, родственная королевскому дому Франции, тогдашним Капетингам.

Дюэз был воспитателем и советником короля Роберта Анжуйского. Но еще Карл II, первый его покровитель, сделал его своим канцлером. Это очень много. Сказались, конечно, энергия и образование этого выходца из низов. В 1310 году он был назначен епископом Авиньона — города на юге Франции, при слиянии реки Роны и канала Дюранс. Ближайший крупный центр — Марсель, к востоку, в сторону Италии. К северу — Лион, несколько дальше.

Авиньон — замечательное место. Там великолепный романский собор XII века — Нотр-Дам-де-Дом с папскими гробницами, там комплекс папского дворца, построенный в XIV веке, роскошные фрески. Да еще и великолепный климат. К тому же в Авиньоне было спокойнее, чем в Риме. Земли эти принадлежали Анжуйскому дому; но со временем папы выкупили Авиньон у Франции.

Итак, Карл II назначил Дюэза своим канцлером, а затем епископом Авиньона. А в 1312 году папа Климент V сделал его кардиналом.

Климент V находился на престоле с 1305 по 1314 год и являлся прямым ставленником французского короля Филиппа IV Красивого. Это был человек яркий, красивый — в прямом смысле, физически (Средневековье любило красивых правителей), смелый, решительный. Он подготовил французский абсолютизм, решительно настаивая на том, что король подчиняется только Богу. Еще до Климента у Филиппа был соперник — папа Бонифаций VIII, который воспротивился идеям абсолютной власти короля. Он издал знаменитую буллу *Unam Sanctam*. «Во власти Церкви, — писал он, — есть два меча: духовный и материальный — и оба принадлежат Церкви». И далее: «Все люди должны подчиняться папе римскому, если они хотят достигнуть вечного спасения». Последние козыри пошли в ход.

В общем-то, те события, о которых мы говорим, — это последний яростный бой за папскую теократию, за признание того, что, по край-

ней мере в Европе (а деятели католической церкви мечтали распространить этот принцип на весь мир) превыше всех власть папы. Когда-то папская тиара состояла из двух плоскостей, а к концу XIII века — уже из трех, означавших три континента, известных людям того времени: Азию, Европу и Африку. То есть папа — владыка мира, и тиара это символизирует. Остальные: императоры, короли, герцоги (это уже просто мелочь) — все они под папой. Бонифаций VIII на этой мысли настаивал катего-

Анри Серрюр. Папа Климент V. XIX в.

рически, работал на нее. В 1300 году он устроил событие, которое казалось всем торжеством папской теократии: объявил 1300-летний юбилей Рождества Христова. Уже тогда любили праздновать юбилеи, и продляли их, и повторяли. Очень мало нового под луной. Около двух миллионов паломников прибыли в Рим и яростно платили за отпущение грехов, раздавали пожертвования. Причем грехи стали отпускать даже будущие. В юбилейные дни ты можешь откупиться не только от того, что совершил, но и от того, что только планируешь сделать.

И вот на гребне такого восторга, такого успеха Бонифаций VIII приготовился предать Филиппа IV анафеме — за его мысли о высоте королевской власти. Чтобы подготовить это мероприятие, он в 1303 году отправился в маленький город Ананьи. И тут Филипп его обогнал. Он направил к папе делегацию во главе со своим советником Ногаре, которая, как считается, планировала похитить понтифика из дворца, но это не получилось. И тогда королевские посланники как-то оскорбили папу. Некоторые серьезные специалисты по истории папства считают,

что они просто избili престарелого человека. Бонифаций вернулся в Рим и вскоре умер от этого потрясения. Вот как написано в одной из монографий: «Не выдержав оскорблений, гордый старик вскоре скончался». Говорили также, что перед смертью он сошел с ума. Ярчайшим проявлением его безумия считалось то, что он скончался, не приняв причастия, как бы не осознавая, что умирает. Для папы уйти без причастия — что-то невероятное. По всей Европе было впечатление крушения папской теократии.

Филипп IV почувствовал себя хозяином положения. На папском престоле ненадолго оказался некий Бенедикт XI (1303–1304 годы). Филипп в это время, видимо, подбирал кандидатуру — и подобрал ее. Он остановился на архиепископе Бордоском по фамилии Каэтани, который принял имя Климента V.

В марте 1309 года он был избран папой, после чего сделал своей резиденцией Авиньон. Происходил Климент V из мелкого гасконского дворянства, что оскорбляло многих во Франции (гасконцев всегда считали ниже прочих). Ко всеобщему потрясению, нового папу избрали во Франции, в Лионе, и он отказался прибыть в Рим для интронизации — введения в статус. Климент V призвал кардиналов прибыть в Лион. Аргумент был такой: в Риме после смерти Бонифация царит анархия. И это действительно было так.

В 1312 году Дюэз стал кардиналом. Чем примечательны эти годы? Филипп IV, укрепив свою власть, затеял во Франции несколько страшных дел. В числе их был семилетний, полностью сфальсифицированный процесс над тамплиерами. Дюэз принимал в нем участие. Если бы он не проявил в этом деле лояльности, дальнейшая его судьба не сложилась бы столь блистательно.

Одновременно с процессом над тамплиерами Филипп захотел устроить суд над покойным Бонифацием VIII. В X веке, когда Римская курия была еще относительно слабой, состоялся другой знаменитый процесс: папа приказал выкопать своего покойного предшественника, посадить тело на скамью подсудимых, потом отсечь у трупа два пальца и сбро-

сать его в Тибр. Но это было много веков назад! Казалось, что такая дикость более невозможна.

Однако был затеян суд, покойный Бонифаций VIII обвинен в ереси, ибо умер без причастия, и в убийстве. Ходили слухи, что он приказал убить в тюрьме так называемого ангельского папу, своего предшественника Целестина V — отшельника Пьетро дель Мурроне, которого уговорили принять папскую тиару как святого человека. Очень быстро тот понял, что он не может быть папой, отказался от сана, бежал, спрятался в горах. Его подталкивал к этому Бонифаций, тогда бывший кардиналом Каэтани. Отшельник скрылся, а Бонифаций, став папой, тревожился, что он где-то живет, этот благороднейший, святой папа. Он приказал его найти, заточил в мрачную крепость, где тот и умер, проведя в заключении два-три года. Родились слухи, что умер не просто так — ему «помогли» умереть. И Филипп хотел посмертного процесса над Бонифацием VIII: мало ему оказалось той пощечины и страшной кончины папы, он намерен был еще и посмертно его осудить.

И в этот момент будущий Иоанн XXII, а пока кардинал Жак Дюэз, продемонстрировал свою позицию. Пожалуй, с этого времени (1312–1313 годы) он зрелый человек, который возражает против намерения короля. Он как будто предчувствовал, что очень скоро, в 1314 году, умрут один за другим Филипп IV, папа Климент V, Ногаре — оскорбитель Бонифация VIII. Они были прокляты ге-

Неизвестный художник.

Жак де Моле. XIX в.